

АНДРЕЙ КОВАЛЬ

Дама за стеклом

МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

С.-ПЕТЕРБУРГ
2026

НЕКОТОРЫЕ
ТАЙНЫ
НЕ УМИРАЮТ

Андрей Коваль

Дама за стеклом

<https://litres.ru/74541172>

SelfPub; 2026

Аннотация

Российская империя. Санкт-Петербург, 2026 год.

Столыпин пережил покушение, революции не случилось, Романовы сохранили престол, а дворянские традиции соседствуют с точной механикой, электричеством и паровыми машинами.

Семья Оболенских восемнадцать лет молчала о том, что должно было остаться в прошлом.

Князь Александр Оболенский погибает в запертой стеклянной галерее. А свидетели утверждают, что незадолго до его смерти за стеклом появилась женщина, которой там быть не могло.

Следователю Николаю Вересову предстоит выяснить, что скрывает старый дом — и где заканчивается человеческая ложь и начинается необъяснимое.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	20
Запертая дверь	22
Глава 2	48
Стеклянная галерея	50
Глава 3	81
Пять причин солгать	83
Глава 4	113
Точка укола	115
Глава 5	138
Сеанс	140
Интерлюдия I	180
Босиком	182
Конец ознакомительного фрагмента.	189

Андрей Коваль

Дама за стеклом

Пролог

23 января 2026 года, 19:15–22:45

К половине восьмого ветер над Галерной стих. С Невы ещё тянуло холодом, и по ступеням временами бежала сухая снежная пыль, но перед парадной уже не мело. Один за другим останавливались автомобили: паромобиль Веденина вы-

дохнул облако пара, за ним почти бесшумно подкатило электрическое ландо. Лакеи распахивали дверцы, принимали меха, докладывали распорядителю о прибывших; из вестибюля в гостиную вместе с морозным воздухом тянуло влажной шерстью, табаком и горячим металлом.

Князь Александр Сергеевич Оболенский встречал гостей при свете двух люстр и был благодарен привычному ритуалу хозяина дома: пока нужно было помнить, чья жена болела осенью, у кого сын поступил в Институт путей сообщения и кто ждал благодарности за пожертвование Фонду, можно было не думать о завтрашнем утре.

— Ваше сиятельство, — сказал Пётр Веденин, снимая перчатку. Под мышкой он держал кожаный портфель. — Ведомость всё-таки привёз, но до утра не открою.

— Пётр, если откроете её до ужина, велю Дорохову запечатать в библиотеке и ведомость, и вас.

— Сурово.

— Зато надёжно.

Веденин усмехнулся и отошёл к Ольге Дмитриевне Белецкой. На несколько секунд Александр остался без собеседника и посмотрел через библиотеку в сторону стеклянной галереи.

Ежегодный январский вечер собирали в пользу Фонда памяти княжны Варвары Сергеевны Оболенской — младшей сестры Александра. За восемнадцать лет её имя успело стать для большинства гостей названием благотворительного де-

ла; для семьи оно оставалось именем.

Зимний сад тянулся вдоль внутреннего двора. Новые металлические переплёты соседствовали там со старыми секциями, которые отец Александра когда-то наотрез отказался менять. Новое стекло отражало зал ясно, почти без искажений; в старом серебрёном стекле та же комната казалась глубже и темнее. По нижним панелям ползли дорожки конденсата. С утра садовник поливал растения, паровое отопление поддерживало в галерее тепло, за стенами стоял мороз; позже придётся приоткрыть верхние фрамуги. Александр задержал взгляд на одной из старых панелей и отвернулся.

— Ты опять считаешь гостей.

Его младший брат, князь Сергей Сергеевич Оболенский, подошёл слева; сюртук сидел безукоризненно, но галстук он затянул чуть туже обычного — так бывало всякий раз, когда Сергей сдерживал раздражение.

— Кто-то же должен считать. Ты, кажется, занят тем, что их пугаешь своим лицом.

— Я надеялся, ты передумаешь.

— Зря.

Сергей несколько секунд смотрел на брата, прежде чем спросить:

— Утром бумаги уходят?

— Да.

— И акции Фонду?

— Да, Сергей.

У рояля рассаживались музыканты, неподалёку разговаривали Веденин и двое попечителей. Александр отвёл брата к окну, в тень за тяжёлой портьерой.

— До понедельника, Саша. Два дня.

— Мы это уже обсуждали.

— Нет. Ты сообщил решение. Завтра старое дело ляжет на стол чиновникам, банки начнут задавать вопросы раньше, чем правление успеет собраться. Половина нынешних директоров в глаза не видела людей, чьи подписи там стоят, а отвечать будут они.

— Совет переживёт.

— А завод? Там тысячи работников.

Александр несколько секунд молча смотрел на брата.

— В две тысячи седьмом на заводе погибли одиннадцать человек.

Сергей отвёл глаза. В этот момент за портьерой квартет взял первые аккорды.

— Я помню, сколько их было.

— Тогда не проси меня снова ждать подходящего времени.

— Я прошу дать совету два дня. Ты решил рассказать правду — рассказывай. Но почему ты заодно решаешь, когда должны отвечать остальные и сколько должна отдать семья? Ты и покаяние превратил в заседание правления.

— Потому что моя подпись там тоже стоит.

— Именно. Твоя. А расплачиваться будут все.

— Восемнадцать лет расплачиваются не те, кто должен, Сергей.

— До понедельника, — повторил Сергей.

— Нет.

— Хорошо.

— Наконец-то вы перестали объяснять друг другу очевидное.

Княжна Наталья Александровна Оболенская, единственная дочь Александра, стояла у края портьера с бокалом шампанского. Сергей хмыкнул и ушёл к распорядителю.

— Давно слушаешь? — спросил Александр.

— Достаточно. И нет, я не подслушивала. Хочешь тайный разговор — выбирай кабинет.

— Ты тоже хочешь попросить до понедельника?

— Нет. Мне интересно, почему последнее слово обязательно должно быть твоим.

— Потому что решение моё.

— Вот именно. Ты уже решил, что отдать Фонду, что оставить семье, какие бумаги увидят власти первыми, какие потом. Даже раскаяние у тебя идёт по порядку.

— Не говори глупостей.

— Я видела проект передачи акций.

— Откуда?

— Я полгода участвую в подготовке новой структуры управления. Эти бумаги всё равно легли бы мне на стол.

— Значит, ты знаешь, что Фонд получит не символиче-

ский пакет.

— Знаю. И вижу, что ты опять пытаешься всё решить сам: в чём признаться, что отдать, кому и когда рассказать. Даже собственную вину ты оформляешь по пунктам.

Под левой ключицей кольнуло, и боль потянулась под лопатку. Александр невольно прижал локоть к боку.

— Опять плечо? — сразу спросила Наталья.

— Пустяки.

— Конечно. — Она поставила бокал на поднос проходившего лакея. — Сегодня всё-таки вечер тёти Варвары. Спорить будем завтра.

Наталья ушла к попечителям, а Александр несколько раз медленно сжал пальцы левой руки и уже собирался поправить манжету, когда рядом появился многолетний семейный врач Матвей Борисович Левин.

— Если проверяете чувствительность, Александр Сергеевич, манжетой меня не обманете.

Врач встал между Александром и гостиной, заслонив его от любопытных взглядов.

— Плечо ноет. Не более.

— Куда отдаёт?

— Под лопатку.

— В руку?

— Нет.

— Поднимите.

Александр без труда поднял руку до уровня плеча, но вы-

ше боль сразу стала острее.

— Хватит. После выступления один цикл в кресле.

— Здесь гости.

— Они переживут четверть часа без хозяина.

— А если не переживут?

— Тогда у меня появится работа интереснее вашей невралгии.

Александр усмехнулся и опустил руку.

— Сергей успел пожаловаться и вам?

— Сергей мне не пациент. А вам я советую сегодня хотя бы несколько часов поспать. Не ради него — ради себя.

— Я принял это решение не сегодня.

— Я знаю.

— Тогда к чему разговор?

Левин слегка пожал плечами.

— Даже давно принятые решения иногда меняют.

— Это уже не медицина.

— В нашем возрасте граница между медициной и здравым смыслом становится досадно тонкой.

От камина его окликнула Белецкая. Левин извинился и отошёл; через минуту он уже слушал её, чуть склонив голову, и ничем не выделялся среди старых знакомых семьи.

Вечер тем временем шёл своим порядком: прочитали отчёт Фонда, объявили сумму новых пожертвований, квартет сменил программу. Когда часы над камином показали четверть одиннадцатого, распорядитель попросил гостей перей-

ти ближе к музыкальной гостиной.

Он дождался, пока стихнут последние разговоры.

— Господа, обещанный салонный опыт проведёт Ирина Николаевна Зарецкая.

Зарецкая вышла к гостям без траурной вуали, свечей и прочего реквизита, который Александр ожидал увидеть на подобном сеансе. Тёмно-синее платье с высоким воротом скорее подошло бы вдове на камерном концерте, чем медиуму, а говорила она так спокойно, словно собиралась представить очередной номер квартета.

— Я не прошу вас верить в мёртвых. Для начала достаточно поверить собственной памяти. Она обманывает нас куда убедительнее любого медиума.

Кто-то негромко рассмеялся. Зарецкая дождалась тишины, попросила приглушить лампы и отступила в сторону.

Библиотека потемнела. За ней, в стеклянной галерее, виднелись лишь золотистые отражения и тёмные стволы пальм, которые в вечернем свете казались толще и выше. Александр видел зимний сад почти целиком и потому первым заметил светлое пятно между двумя кадками.

Светлое пятно возникло не сразу. Сначала на стекле словно задержался отблеск люстры, потом обозначились плечо, светлое платье и тёмные волосы.

В гостиной смолкли даже те, кто до сих пор шептался.

Женщина повернула голову, и несколько секунд Александр просто смотрел.

Фотографии Варвары стояли в доме повсюду: в кабинете, в комнате матери, в помещении Фонда. По ним нетрудно было воспроизвести и причёску, и линию воротника, и то, как Варвара собирала волосы низко на затылке.

Но что-то всё равно не совпадало.

Поворот головы был слишком медленным. Рука поднялась ровно тогда, когда в гостиной окончательно стихли голоса. Женщина будто чувствовала, с какой стороны на неё смотрят.

У камина кто-то перекрестился.

— Господи... Варвара...

Александр посмотрел на Сергея и увидел, что брат возле рояля почему-то смотрит не на стекло, а на него.

Фигура в галерее побледнела, распалась в отражениях и исчезла.

Сергей оказался рядом прежде, чем гости снова заговорили.

— Саша, сядь.

— Зачем?

— На тебя смотрят.

— Пусть смотрят.

Сергей взял его под локоть. Александр высвободил руку.

— Ты знал, что она это устроит?

Лицо Сергея осталось неподвижным, но пальцы, которыми он поправлял манжету, на мгновение замерли.

— Сейчас не время.

— Очень удобный ответ.

— Посмотри на попечителей.

Александр не посмотрел.

— Завтра утром они увидят бумаги, а не меня.

— После сегодняшнего вечера они увидят и то и другое.

— Значит, придётся пережить.

Сергей хотел что-то сказать, но Александр уже отвернулся.

Боль под лопаткой становилась назойливее и при каждом неловком движении отдавала в плечо; собственное тело раздражало Александра почти больше, чем шёпот, вновь поднявшийся в гостиной.

— Для меня представление окончено.

Зарецкая обернулась.

— Ваше сиятельство, опыт ещё продолжается.

— Продолжайте.

— Но...

— Без меня.

Александр прошёл через библиотеку.

У двери галереи он на мгновение задержался. Левин оставался у камина рядом с Ведениным и Белецкой; она что-то рассказывала, а врач слушал, слегка склонив голову. Сергей не двинулся следом. Зарецкая снова обращалась к гостям.

Громов открыл дверь зимнего сада.

— Я ненадолго в лечебной нише, — сказал Александр. — Если спросят, скажите, что скоро вернусь. Никого не впус-

кайте.

— Слушаюсь, ваше сиятельство.

Александр вошёл, прикрыл тяжёлую створку и задвинул внутренний латунный засов.

Засов вошёл в гнездо с сухим щелчком.

Через узкую стеклянную вставку ещё несколько секунд было видно лицо Громова. Лакей задержался у двери, глядя, как латунный стержень вошёл в скобу, и лишь затем отошёл.

Шум гостиной сразу сделался далёким. Из-за двери ещё доносились приглушённые голоса, но здесь слышались совсем другие звуки: капля сорвалась с листа и ударилась о каменный бортик, в отопительной трубе глухо шумел пар, где-то высоко дрогнуло стекло под порывом ветра.

В галерее пахло влажной землёй, нагретым камнем и зимней зеленью.

Александр снял пиджак, повесил его на спинку стула, расстегнул ворот рубашки и освободил левое плечо.

Кресло стояло в нише между двумя лаврами. За четыре года Александр привык к нему настолько, что тёмная кожа, латунный обод подлокотника и небольшая эмалевая панель уже не казались чужеродными среди растений. Красотой кресло не отличалось, зато избавляло его от лишних поездок в лечебницу.

Он сел и откинулся на спинку.

Рукоять запуска поддалась с привычным сопротивлением.

Где-то внутри щёлкнул клапан. В маленьком окошке ме-

ханического счётчика сменилась цифра, но Александр смотрел уже в потолок.

Под лопаткой разошлось тепло. Через несколько секунд появилось знакомое давление, затем внутри кресла коротко зашипел воздух, и струйный иньектор коротко ударил в кожу плеча.

Ощущение было неприятным, но привычным; Александр прикрыл глаза, ожидая, когда отпустит мышцу.

Через несколько минут он вернётся в гостиную. Сергей сделает вид, будто ничего не произошло, Наталья будет разговаривать с кем-нибудь у камина и старательно не смотреть на отца, а утром на стол всё равно лягут документы.

Вместо папки с бумагами почему-то вспомнился другой лист — тот, который Веденин приносил осенью для расчёта будущих выплат. В списке значились одиннадцать фамилий, и несколько из них Александр уже не мог назвать по памяти; эта мысль оказалась неприятнее всего остального.

Когда музыка за стеной оборвалась, Александр открыл глаза.

В дальнем конце галереи снова проступил бледный свет. С его места представление выглядело иначе. Светлая женщина приблизилась к одной из рам, подняла руку и задержала её чуть дольше, чем требовало само движение. Из-за двери, ведущей в библиотеку, донёсся приглушённый возглас.

Александр следил уже не за лицом, а за светом: белое платье на секунду оказывалось между тёмными стволами, а под-

нятая рука была отчётливо видна именно из гостиной.

Он почти улыбнулся, но в этот момент сердце вдруг сбилось с ритма: один тяжёлый удар, короткая пустота — и два быстрых подряд.

Александр нахмурился. Механизм кресла уже затих, тепло под накладкой слабело.

Он провёл ладонью по кожаному подлокотнику. Кожаная поверхность ощущалась словно через тонкую перчатку. Александр сжал пальцы, разжал — онемение не прошло.

Он сделал глубокий вдох. Воздуха хватило, однако почти сразу пришлось вдохнуть снова.

За дверью раздались редкие аплодисменты и тут же стихли. Светлая женщина исчезла. В стекле остались лампы, листья и тёмные силуэты гостей.

Александр положил руку на подлокотник и поднялся.

На мгновение Александру показалось, будто вся галерея качнулась вправо. Он удержался за кресло и подождал, пока перед глазами перестанут двигаться тёмные точки.

Левин был совсем рядом: достаточно было открыть дверь.

Александр сделал шаг.

Наверху негромко звякнул привод, и одна из фрамуг медленно приоткрылась. В галерею потянуло холодным воздухом; высокие стёкла почти сразу начали мутнеть, на них проступили новые дорожки конденсата.

Александр машинально посмотрел в сторону приоткрытой фрамуги и увидел движение — совсем не там, где только

что появлялась светлая женщина.

Старая серебряная панель находилась напротив лечебной ниши, между двумя более новыми секциями. На неё не падал направленный свет; на стекле не проступало белое пятно. В тёмной поверхности смешивались листья, лампы и размытое отражение самого Александра.

И всё же в этой глубине кто-то стоял.

Он не сразу понял, что видит женщину. Сначала различил подол, потом босую ступню.

Женщина сделала два небольших шага и подошла к раме. Александр не шевельнулся.

Лица он почти не видел; причёска и платье были другими, однако что-то в фигуре болезненно напоминало Варвару. Что именно — Александр не смог бы назвать.

Женщина подняла руку и положила ладонь на тёмный металл рамы. Потом повернула голову — влево, чуть вверх, мимо двери и мимо самого Александра.

Он невольно посмотрел туда же. Там были только мокрые листья и отражённый свет.

Когда Александр шевельнулся, женщина не вздрогнула и не перевела взгляда. Она по-прежнему смотрела мимо него, будто ни его, ни освещённой галереи, ни дома вокруг не существовало.

Сердце снова сбилось с ритма, и на этот раз удар отдался в горле.

Александр развернулся к двери. До засова оставалось

несколько шагов.

Он сделал шаг и задел бедром столик. Тяжёлая ваза качнулась, сдвинулась и глухо ударилась о стену.

За дверью сразу послышался голос Громова:

— Ваше сиятельство?

Александр открыл рот, но вместо ответа вырвался лишь короткий хрип.

— Ваше сиятельство? — повторил Громов громче.

Левая рука почти не слушалась. Александр поднял её к засову, но пальцы не дотянулись, и рука тяжело опустилась. Он сделал ещё шаг.

Краем глаза он увидел, что у старой панели снова кто-то движется.

Александр остановился.

Женщина была уже не у рамы. Она стояла дальше — именно там, где появилась в первый раз.

Она сделала первый шаг, затем второй; подол качнулся точно так же, и босая ступня показалась в том же месте. Женщина приблизилась к раме, подняла руку и положила пальцы на металл.

Голова снова начала поворачиваться влево, и Александр уже знал, где остановится этот поворот.

За дверью застучали.

— Александр Сергеевич! — крикнул Сергей.

Женщина у стекла закончила движение и исчезла среди отражений.

Александр дёрнулся к двери. В ногах разом пропала сила, а левая ладонь скользнула по деревянной панели, не достав до засова.

Ему удалось сделать ещё полшага.

Галерея качнулась и медленно поплыла набок. Свет люстр вытянулся длинными золотистыми полосами, тёмные стволы слились в расплывчатое пятно, а стук за дверью вдруг стал очень далёким.

Александр ещё пытался удержаться, когда в серебрёном стекле снова возникло светлое пятно.

Там, в глубине отражения, женщина сделала первый шаг. Второго он уже не увидел.

Пояснения к прологу Ваше сиятельство — официальная форма обращения к князю или графу; в Прологе так обращаются к князю Александру Сергеевичу Оболенскому.

Паровомобиль — автомобиль с компактной паровой силовой установкой; один из обычных видов личного транспорта в мире книги.

Электрическое ландо — закрытый или полуоткрытый пассажирский экипаж автомобильного типа с электрической тягой; сохраняет традиционное кузовное название «ландо».

Струйный инъектор — медицинское устройство, вводящее препарат через кожу тонкой струёй под давлением без обычной иглы.

Глава 1

Запертая дверь

23 января 2026 года, 23:25 — 24 января 01:00

Телефон зазвонил в двадцать три двадцать пять, когда Николай уже успел снять сюртук и поставить на плиту маленький чайник. В квартире на Захарьевской было тихо: за двойными рамами по улице шуршал сухой снег, изредка хлопала дверь в парадной, а по трубам отопления проходил слабый металлический гул. Николай раскрыл папку с незавершённой сводкой по делу о складских кражах и рассчитывал хотя бы полчаса разобрать её в тишине, когда звонок повторился — длинный, служебный, без той паузы, которую обычно оставляли знакомые.

Он снял трубку и, не садясь, ответил:

— Вересов слушает.

— Ваше благородие, дежурный Управления уголовного сыска. Срочный выезд. Галерная улица, дом князей Оболенских.

Николай машинально посмотрел на часы над книжной полкой. Секундная стрелка как раз пересекла половину циферблата.

— Что произошло?

— Князь Александр Сергеевич Оболенский. Внезапная смерть в доме. Помещение было заперто изнутри, дверь вскрывали. Патруль уже на месте, врач тоже. Судебный сле-

дователь уведомлён.

— Кто вызывает сыск: пристав или следователь?

— Пристав Адмиралтейской части. И Борис Андреевич просил соединить вас с ним, если застанем дома.

В трубке щёлкнуло; дежурный оборвался на полуслове, и на линии появился другой голос.

— Вересов?

— Да, Борис Андреевич.

Невзоров не тратил времени на приветствия даже днём, а после одиннадцати вечера считал их расточительством.

— Оболенский умер после закрытого благотворительного вечера. Фамилия вам известна, объяснять не стану. К утру у парадной будут газетчики, к завтраку — люди из градоначальства, к полудню — те, кто уверит нас, что знал покойного лучше семьи. Это не основание искать убийство там, где его нет, и не основание объявлять несчастный случай до осмотра. Понятно?

— Более чем.

— Лебедев едет. Процессуальное руководство — за ним. На вас сыск: люди, время, доступ, ложь. Не путайте полномочия только потому, что фамилия громкая.

— Не собирался.

На другом конце линии на секунду стало тихо.

— И ещё. Там уже говорят о привидении.

Николай на секунду прикрыл глаза, прежде чем спросить:

— Кто говорит?

— Пока все сразу, а значит — никто надёжный. Разберётесь на месте. Машину я вам не дам: от Шпалерной она доберётся дольше, чем моторный извозчик с вашей улицы. Дежурный заказал экипаж. Через пять минут будет у парадной.

— Принял.

— Вересов.

— Да?

— Мне нужен нормальный осмотр, а не красивое дело. Всё.

Линия оборвалась, и почти сразу засвистел чайник. Николай выключил нагрев, не наливая воды, вернулся в спальню и за две минуты снова оделся. Хорошее тёмное пальто было старше его нынешней должности и пережило две смены подкладки; Николай застегнул его доверху, сунул в карман перчатки, удостоверение и маленький складной фонарь, а перед выходом задержался у зеркала лишь затем, чтобы проверить галстук. Ранняя седина у правого виска при электрическом свете казалась заметнее обычного. Он пригладил волосы ладонью и тут же рассердился на себя за ненужное движение.

Внизу, в парадной, пахло камнем, воском и холодом. Сонный швейцар уже распахивал наружную дверь. У поребрика, чуть дальше фонаря, стоял тёмный автомобиль моторного извозчика с медной табличкой городской службы заказов. Водитель, услышав адрес, присвистнул и обернулся через плечо:

— К Оболенским? Там нынче половина Адмиралтейской

части, ваше благородие.

— Значит, вторую половину постарайтесь не собрать по дороге.

Водитель покосился на него в зеркало и тронул машину.

Ночной Петербург в сухой мороз становился резче, будто его чертили заново тонким стальным пером. Снег не прятал гранит, а подчёркивал ступени, карнизы и чёрные пролёты арок. Пар от редких автомобилей и городских теплопроводов задерживался у фонарей отдельными белыми облаками. На Литейном ещё шёл транспорт, но уже без дневной тесноты; один поздний трамвай звякнул на перекрёстке и ушёл к Невскому почти пустым. По мере того как они удалялись от Литейной части, улицы становились тише; за крышами на мгновение показался освещённый купол Исаакиевского собора, потом его заслонил ряд домов, и машина свернула к Адмиралтейской части.

Николай не пытался заранее выстроить версию. Из слов дежурного пока следовало немного: человек умер; комната была заперта; дверь вскрывали; свидетелей было много; ещё до приезда сыска кто-то успел назвать увиденное привидением. Последнее можно было отложить до тех пор, пока не станет понятно, кто именно что видел и откуда. Коллективное свидетельство редко бывало коллективным фактом: десять человек могли поклясться в одной и той же детали, если успели обсудить её до первого опроса.

Намного важнее было другое: запертая изнутри дверь ли-

бо действительно была заперта изнутри, либо кто-то очень хотел, чтобы все так думали. Между этими двумя утверждениями помещалось почти любое убийство, которое потом называли невозможным.

У особняка на Галерной водитель сбросил ход сам, ещё прежде чем Николай попросил. Перед парадной стоял автомобиль скорой помощи с белым медицинским гербом, рядом — полицейская машина и два частных экипажа, которые, по-видимому, ещё не успели выехать со двора. У ворот переминались несколько слуг, двое городских не подпускали к дому любопытных, а дальше, на другой стороне улицы, уже маячил человек в меховой шапке с блокнотом в руке.

— Рано начали, — пробормотал водитель.

— Газеты не спят по служебному расписанию.

Николай расплатился, показал удостоверение старшему городскому и прошёл внутрь.

Тёплый воздух парадной ударил запахом мокрых мехов, воска и лекарств. До полуночи, судя по большим часам над лестницей, оставалась четверть часа. На длинной скамье сидела пожилая дама в вечернем платье, укрытая чужой шалью; рядом молодая женщина беззвучно плакала, сжимая обеими руками перчатки. Дальше городской переписывал из книги гостей имена прибывших, а слуга держал перед ним раскрытый том. Никого не отпускали, и это по крайней мере было сделано правильно.

— Николай Арсеньевич Вересов?

К нему подошёл высокий седоватый человек лет шестидесяти, без сюртука, но в безупречно застёгнутом жилете. Лицо у него было серым от усталости, однако сам он держался с той выученной ровностью, которая за долгие годы становится второй натурой хорошего управляющего.

— Андрей Савельевич Дорохов, управляющий домом. Старший городской велел ждать сотрудников сыска.

— Кто сейчас в галерее?

— Никого, кроме городского у входа. После того как врач бригады... — Дорохов на мгновение запнулся, — после того как смерть подтвердили, всех вывели. Тело осталось там. Больше, насколько мне известно, ничего не трогали.

— До приезда патруля трогали?

— Реанимация. Матвей Борисович начал сразу после вскрытия двери. Потом приехала бригада. Столик сдвинули, князя переложили на спину. Ещё, кажется, вазу отодвинули из-под ног; городской велел оставить её у стены и больше не касаться.

Николай кивнул. Жилой дом редко сохранял место происшествия нетронутым, особенно когда человека ещё пытались спасти. Теперь важно было точно отделить изменения, сделанные при реанимации, от того, что произошло раньше.

— Кто вскрывал дверь?

— Громов, наш лакей. Князь Сергей Сергеевич помогал. Потом ещё двое слуг.

— Громов где?

— В библиотеке. Его не отпускают.

— И правильно. Кто из семьи здесь?

— Князь Сергей Сергеевич в музыкальной гостиной. Княжна Наталья Александровна там же. Доктор Левин — с ними. Госпожа Зарецкая... — Дорохов поморщился, будто имя имело неприятный вкус. — В малой гостиной под надзором городского.

— Почему отдельно?

— Она пыталась уйти к служебной части. Говорит, хотела забрать вещи.

Николай отметил это про себя и не стал комментировать: причина могла оказаться как важной, так и совершенно бытовой.

Со стороны парадной снова хлопнула дверь. В дом вошёл Семён Петрович Лебедев, стряхивая снег с воротника. Он был на тринадцать лет старше Николая, плотнее, чуть ниже ростом; смотрел спокойно и долго, так что многие свидетели начинали уточнять собственные слова ещё до следующего вопроса. Голос Лебедев почти никогда не повышал.

— Николай Арсеньевич.

— Семён Петрович.

После короткого рукопожатия Лебедев спросил:

— Давно здесь?

— Минуты три. Патруль никого не выпустил, галерею закрыли после констатации смерти. До того была реанимация.

— Значит, сначала фиксируем всё, что успели изменить,

потом осмотр. Кто из местных ведёт первичную запись?

К ним подошёл старший городской и назвался. Лебедев выслушал краткий доклад, уточнил время звонка, прибытия патруля и медицинской бригады, затем попросил никого не выпускать без отдельного распоряжения. Слова «задержаны» Лебедев не употреблял: пока требовалось лишь установить, кто где находился и что видел, и не дать свидетелям разъехаться раньше первичного опроса.

— Господин следователь, — начал Дорохов, — семья, разумеется, окажет всё содействие...

— Благодарю, Андрей Савельевич. Тогда первым содействием будет отсутствие самостоятельных распоряжений внутри той части дома, которую мы осматриваем. Даже если распоряжение кажется вам совершенно безобидным.

— Понимаю.

— И ещё. Никому не обсуждать между собой, кто что видел в галерее. Поздновато для идеальных условий, но хуже сделать ещё успеем.

Дорохов поклонился и ушёл к слугам.

Николай повернулся к Лебедеву:

— Невзоров уже успел позвонить вам?

— Конечно. Предупредил, что фамилия громкая.

— Мне сообщил то же самое и добавил, что красивого дела ему не нужно.

— Значит, ночь началась удачно: начальство требует от нас ровно то, что и положено делать.

В голосе Лебедева не было насмешки, только сухая констатация. Он снял перчатки, убрал их в карман и спросил:
— Пойдём смотреть дверь?

В библиотеке пахло старой кожей переплётков, древесным лаком и холодной влагой, тянувшей из дальней галереи. У входа стоял молодой городской и держался от повреждённого косяка так, словно тот мог оставить след даже на рукаве. Дверь уже не закрывалась: правый косяк был расколот, декоративная накладка сорвана, а латунный засов остался в ответной скобе вместе с выломанным куском дерева.

Николай остановился, не переступая порога, и несколько секунд рассматривал расколотую раму.

— Вот это мне нравится больше рассказов о привидениях. Лебедев проследил за его взглядом:

— Сломанная дверь?

— Засов.

Николай наклонился, не касаясь дерева. Засов был простым, тяжёлым, без пружины и скрытого привода. При ударе створка ушла внутрь, а латунный стержень, оставаясь в скобе, вырвал из косяка длинную щепу. Если картину не исказили уже после вскрытия, первый удар действительно пришёлся по запёртой двери; проверить это предстояло по показаниям тех, кто стоял рядом.

— Кто это видел до взлома? — спросил Николай.

— Громов утверждает, что слышал, как князь задвинул засов изнутри, — ответил старший городской. — И потом

несколько раз сам пробовал открыть створку: не подалась. Когда хозяин перестал отвечать, позвали князя Сергея Сергеевича и управляющего. Взламывали при шести или семи людях.

— Запишите всех поимённо, кто видел первый удар по двери и её состояние до него. Не «гости», не «слуги», а каждого.

— Уже начал, ваше благородие.

— Хорошо.

Лебедев жестом остановил Николая у порога.

— Пока только глазами. Полноценную съёмку начнём, как приедет криминалист.

— Согласен.

Из библиотеки галерея казалась вытянутой полосой полумрака и стекла. Основные лампы горели, но несколько светильников, видимо, погасили после вечера. Ближе к двери на полу лежало тело Александра Оболенского. Рубашка была расстёгнута у груди после реанимации, под голову подложили сложенное медицинское покрывало, рядом стоял раскрытый футляр скорой помощи. Чуть дальше виднелось лечебное кресло, возле него — небольшой столик и тяжёлая ваза, поставленная к стене. По стеклянным панелям медленно стекала влага; одна верхняя фрамуга оставалась приоткрыта.

Николай перевёл взгляд выше. Даже без измерений было ясно: взрослый человек через такую фрамугу не пролезет, да и находилась она почти под потолком. Но невозможность

пролезть самому ещё не означала, что через щель нельзя было что-нибудь просунуть; это предстояло проверить технически.

— Окна проверяли? — спросил Лебедев у городского.

— Только снаружи глазами, ваше высокоблагородие. Не трогали. Нижние секции закрыты. Одна верхняя открыта — слуги говорят, так и было до смерти, после номера проветривали.

— Кто открывал?

— Пока выясняем.

Лебедев кивнул городскому:

— Правильно. Не закрывать.

Из соседней комнаты донёсся сначала приглушённый женский голос, затем мужской. Николай обернулся:

— Гости все ещё вместе?

— Развели по разным комнатам, насколько позволял дом, — ответил городской. — Но до нашего прибытия они минут двадцать были в одной гостиной. Некоторые успели поговорить.

— Значит, они уже успели повлиять друг на друга, — сказал Николай. — Особенно в том, что касается Дамы.

— О Даме? — переспросил Лебедев.

— Невзоров предупредил.

Старший городской неловко кашлянул, прежде чем ответить:

— Они все о ней говорят, господа. Будто покойная княж-

на появилась за стеклом. Дважды. У половины гостей уже одна и та же история.

— Тем полезнее завтра спросить каждого отдельно, — ответил Лебедев. — Сегодня нас интересует не семейная легенда, а последовательность действий после того, как хозяин ушёл сюда.

Николай снова посмотрел на тело. На часах было без пяти полночь; теперь время переставало быть фоном и становилось тем, что предстояло восстанавливать по минутам.

— Громова приведите сюда, — попросил он.

Через минуту вошёл молодой лакей лет двадцати пяти — двадцати шести. Он был бледен, на нижней губе темнела свежая ссадина. Лакей остановился перед Лебедевым и Николаем, не понимая, кому отвечать первым.

— Тимофей Никитич? — спросил Лебедев.

— Так точно, ваше высокоблагородие.

— Я судебный следователь Лебедев. Это Николай Арсеньевич Вересов, из уголовного сыска. Расскажите только то, что видели или слышали сами. Если что-то знаете со слов других, сразу говорите, от кого.

Громов кивнул и, заметно стараясь не сбиваться, начал:

— Князь ушёл сюда после госпожи Зарецкой... после первого её опыта. Велел никого не впускать. Я открыл ему дверь. Он вошёл и сам задвинул засов.

— Вы видели это? — спросил Николай.

— Видел, ваше благородие. В двери узкая стеклянная

вставка; я стоял сбоку и видел, как князь задвинул латунный стержень. И слышал щелчок — там звук особый, металл по металлу. После этого я взялся за ручку: хотел убедиться, что дверь закрыта, раз князь велел никого не впускать. Створка не подалась.

Такое показание стоило больше, чем красивое «видел, как заперся».

— После этого вы всё время оставались здесь?

— Нет. Князь велел никого не впускать, а мне нужно было вернуться в салон. Я стоял у двери минуту, потом отошёл. Но проход через библиотеку был открыт, гости рядом. Потом начался второй опыт госпожи Зарецкой, и почти все смотрели в сторону галереи.

— Кто подходил к двери после того, как вы ушли?

— Не видел, чтобы кто-то входил. Войти было нельзя — засов. К двери подходили потом, когда князь не ответил. Я первый постучал.

— Почему?

Громов сглотнул, прежде чем продолжить:

— Ваза ударилась. Сильно. Я подумал, князю плохо. Спросил через дверь — ответа нет, только...

Он оборвал себя на полуслове, и Лебедев спокойно уточнил:

— Что только?

— Хрип, кажется. Один раз. Потом князь Сергей Сергеевич подошёл, тоже позвал. Мы стучали. Изнутри никто не

открыл. Тогда Андрей Савельевич велел ломать.

— Сколько времени прошло от удара вазы до того, как дверь начали ломать?

— Не знаю точно. Наверное, минут семь, может меньше. Сначала мы стучали, звали его, потом позвали Андрея Савельевича. Всё очень быстро было.

— Кто находился в библиотеке, когда вы начали ломать дверь?

Громов назвал князя Сергея Сергеевича, Дорохова, двух слуг, Веденина и ещё одну даму, фамилию которой Николай попросил записать отдельно. Левин, по словам Громова, подошёл из музыкальной гостиной уже тогда, когда дверь начали ломать; незадолго до этого лакей видел его там среди гостей.

— Вы видели его перед тем, как слышали вазу? — спросил Николай.

— Доктора? Да. Он стоял у камина с Ольгой Дмитриевной и Петром Алексеевичем. Потом началась суматоха, все двинулись сюда.

— Хорошо. Пока достаточно. Не обсуждайте с другими, что именно мы спрашивали.

— Слушаюсь, ваше благородие.

Когда Громов ушёл, Лебедев посмотрел на Николая.

— Засов у нас пока настоящий.

— Пока да.

— По Громову, Левин до шума был в гостиной.

— По одному Громову. Проверим остальных и время.

— Именно.

— Войдём? — спросил Николай.

— Войдём, но ничего не двигаем. Фотограф уже едет.

Они надели тонкие защитные бахилы, которые патруль успел привезти из части, и переступили порог.

Внутри воздух оказался тяжелее, чем казался из библиотеки. Галерею отапливали хорошо; влажная земля, растения, тёплый камень и холодный поток от приоткрытой фрамуги смешивались в странный, почти весенний запах. От стекла тянуло прохладой, а на нескольких панелях конденсат уже начинал подсыхать, оставляя неровные следы.

Николай остановился у тела, но не наклонился сразу, предпочитая сперва осмотреть всё вокруг.

Дверь была одна — обычная, теперь сломанная; слева и справа тянулась глухая библиотечная стена. Галерея шла вдоль двора, а нижние стеклянные секции в металлических рамах были разного возраста: часть старых, часть новых. Верхние фрамуги были слишком малы для человека. В каменном полу не было видно люков; стеклянная кровля на металлическом каркасе снаружи была припорошена снегом. Служебного выхода в дальнем конце Николай не увидел.

— Если здесь есть тайный ход, — тихо сказал Николай, — архитектор очень старался спрятать его от здравого смысла.

— Запишем, что здравый смысл осмотрен визуально и повреждений не обнаружено, — ответил Лебедев.

Николай усмехнулся и только после этого перевёл внимание на тело. Оно лежало на спине, руки вытянуты вдоль туловища. На груди оставались следы от реанимационных электродов; кожа у воротника была влажной. Николай видел достаточно мёртвых, чтобы не искать в лице ответа, которого там уже не было. Гораздо полезнее были окружающие вещи и люди, которые ещё могли говорить.

— Где он лежал первоначально? — спросил Николай.

Старший городской показал участок пола ближе к двери. По словам Громова и врача, именно там лежал Александр до начала реанимации; патруль занёс место в первичную запись, но пока никак его не отмечал.

— На боку, примерно здесь. При реанимации перевернули и сдвинули на метр. Столик стоял ближе к проходу, вазу отодвинули к стене. Кресло не двигали.

— Кто утверждает, что кресло не двигали?

— Доктор Левин и Громов. Потом бригада работала уже у тела, кресло им не мешало.

Николай подошёл к креслу настолько близко, насколько позволял предварительный осмотр, и остановился. Оно было массивнее обычного лечебного стула: кожаная спинка, регулируемые подлокотники, сбоку эмалевая панель, над левым плечом — небольшая подвижная головка с мягкой накладкой. Среди дорогой домашней обстановки прибор не выглядел чем-то необычным.

— Что лечили? — спросил он.

— Невралгию, — ответил голос за спиной.

Матвей Борисович Левин остановился в дверях библиотеки. Городовой вопросительно посмотрел на Лебедева; тот коротко кивнул. В ярком свете особенно заметны были усталое лицо врача и ослабленный галстук. Левин остался у порога.

— Можно? — спросил он.

Лебедев кивнул, но жестом остановил его у порога.

— Оттуда, Матвей Борисович. Мы пока не закончили первичный осмотр.

— Разумеется.

Николай повернулся к врачу:

— Вы лечащий врач покойного?

— Много лет. Последние четыре года занимался в том числе болевым синдромом плечевого пояса. Кресло установили по моей рекомендации.

— Что оно делает?

— Прогрев, пневматическую разгрузку и введение назначенного препарата струйным способом. Александр Сергеевич умел пользоваться им сам. Сегодня я советовал один обычный цикл, если боль усилится.

Слова совпадали с тем, что Николай уже видел: снятый пиджак на стуле, расстёгнутый ворот рубашки, положение кресла. Пока всё укладывалось в бытовую последовательность.

— Вы участвовали в реанимации?

— Да. После вскрытия двери я первым вошёл к нему вместе с Грозовым и князем Сергеем Сергеевичем. Пульс на крупных артериях не определялся, дыхания не было. Мы начали реанимацию; примерно через десять минут прибыла бригада и продолжила. Официальную смерть констатировал врач скорой помощи, не я.

Лебедев заметил:

— Спасибо, что разделяете эти вещи.

— Было бы странно, если бы врач их не разделял.

В голосе Левина не появилось раздражения. Он говорил негромко, точно, без желания занять место эксперта в чужом деле.

— Что, по-вашему, произошло? — спросил Николай.

Левин посмотрел на тело, потом на кресло.

— Если вы спрашиваете о предварительном впечатлении, а не о заключении, я бы предположил внезапное нарушение сердечного ритма, возможно с последующей остановкой кровообращения. Но это только предположение. Без вскрытия, анализов и проверки лечебного устройства я причину смерти не назову.

— Симптомы до падения вам известны?

— Только со слов тех, кто был за дверью. Он не отвечал, затем перестал издавать какие-либо звуки. До ухода в галерею жаловался на обычную для него боль в плече. Ничего необычного я тогда не увидел.

— Вы где находились между его уходом и взломом двери?

Левин ответил:

— В музыкальной гостиной. Большую часть времени возле камина. Со мной говорили Ольга Дмитриевна Белецкая и Пётр Алексеевич Веденин. Во время второго появления фигуры мы находились там же. Когда начался шум у двери, подошли к библиотеке.

— Отлучались хотя бы на минуту?

— Насколько помню — нет. Но память после такого вечера хуже протокола. Спросите тех, кто стоял рядом.

Николай запомнил названные имена: каждое из них предстояло проверить отдельно.

— Спросим.

— Николай Арсеньевич, — вмешался Лебедев, — прежде чем доктор уйдёт: что вы можете сказать о самой инъекции? Обычная реакция способна вызвать внезапный коллапс?

— Если отвечать общими словами, осложнение возможно после любого лекарства. Но обычный препарат Александра Сергеевича при штатном применении такой картины давать не должен. Остальное можно обсуждать только после проверки кресла и препарата.

— Вы сегодня проверяли кресло?

Левин перевёл взгляд на кресло, припоминая:

— Днём, во время планового осмотра. Проверил работу и назначение. Вечером, когда пришёл на приём как гость, к креслу не подходил.

Лебедев ограничился кивком: остальное следовало выяс-

нять уже под протокол.

— Пока достаточно. Оставайтесь в доме.

— Разумеется.

Отойдя от библиотеки, Левин задержался возле молодого лакея, который слишком прямо стоял у стены и заметно дрожал. Врач коснулся его запястья, спросил, не кружится ли голова, и велел Дорохову посадить парня на кухне и дать ему горячего сладкого чаю. Всё заняло меньше минуты и не сопровождалось ни успокаивающими речами, ни желанием показать себя полезным.

Николай отметил это почти машинально. Матвей Борисович оставался врачом даже тогда, когда рядом лежал человек, которого он не сумел спасти.

Левин отошёл, а Николай снова посмотрел на кресло. Перед ним стояла обычная домашняя медицинская техника, которой хозяин пользовался сам. При естественной смерти она могла оказаться лишь случайным совпадением; если смерть была вызвана извне, предстояло проверить, не подготовил ли кто-то воздействие заранее.

В записной книжке такой мысли было место только справа.

Он вынул из внутреннего кармана записную книжку. Обложка потёрлась по углам, хотя самой книжке было меньше года. На первых страницах были адреса и телефоны; дальше Николай оставлял развороты для дел и каждый новый разворот делил вертикальной чертой.

Слева он написал «ФАКТ», справа — «ТОЛКОВАНИЕ». Лебедев, заметив знакомую привычку, ничего не сказал. Николай начал с левой стороны:

«Дверь при взломе была заперта внутренним засовом. Засов остался в ответной скобе; косяк выломан».

Ниже:

«После ухода Александра в галерею дверь оставалась закрыта до взлома; по словам Громова, сразу после входа был слышен щелчок засова. Точный промежуток без постоянного наблюдения уточнить».

«Верхняя фрамуга открыта; размеры и возможность внешнего воздействия не проверены».

«Кресло использовалось Александром регулярно; по словам Левина, Александр умел запускать его самостоятельно, а вечером Левин рекомендовал обычный цикл при усилении боли».

«Громов видел Левина у камина незадолго до удара вазы; заявление Левина о всём промежутке проверить по Белецкой, Веденину и остальным».

На правой стороне Николай после короткой паузы последовательно записал:

«Естественная внезапная смерть».

«Лекарственная реакция / ошибка дозировки».

«Заранее подготовленное воздействие без входа после запираания».

И последней строкой: «Ошибка в предположении о закры-

тости помещения».

Он перечитал последние слова и не стал добавлять «тайный ход». Тайный ход был не версией, а одним из возможных способов объяснить ошибку; до осмотра стен это оставалось красивой фразой без содержания.

— Привидение не внесёте? — спросил Лебедев.

— В какую колонку?

— Справедливо.

Николай закрыл книжку не до конца, удерживая страницу пальцем.

— Кто видел второе появление?

— Почти все, кто был в музыкальной гостиной, — ответил старший городской. — По крайней мере, так говорят. Одни называют княжну Варвару, другие — просто женщину. Госпожа Зарецкая утверждает, что проводила опыт.

— Значит, пока это факт только в такой форме: несколько человек видели светлую женскую фигуру во время салонного номера. Всё остальное — после отдельных показаний.

— Запишу.

Лебедев посмотрел на часы и напомнил:

— Уже половина первого. Давайте закончим общую схему, пока ждём фотографа.

Они прошли дальше по галерее, держась ближе к центральной дорожке и не касаясь мебели. У стеклянной стены Николай остановился. Снаружи тёмный внутренний двор был пуст, снег на выступах лежал ровно. Новые стёкла отра-

жали комнату почти как зеркало, а в старых отражение казалось чуть мутнее и глубже, с мягкими серыми тенями по краям.

На одной из старых панелей конденсат подсыхал неровными полосами, дробя отражение на светлые и тёмные участки. Николай посмотрел туда дольше, чем собирался. В стекле отражались лампа, его плечо, часть лечебного кресла и Лебедев, стоявший в двух шагах позади.

Лебедев повернул голову к городовому, и на одно мгновение Николаю показалось, что отражение повторило движение с едва заметным опозданием. Он моргнул — всё снова совпало.

Он медленно перевёл взгляд на соседнюю панель, потом снова на старую. Лебедев уже стоял неподвижно; конденсат сползал вниз тонкой дорожкой, и больше ничего не произошло.

— Что? — спросил Семён Петрович.

— Ничего.

— Вы смотрите так, будто стекло вам возразило.

— Тогда оно формулирует хуже большинства свидетелей.

Лебедев едва заметно улыбнулся и отошёл к двери.

Николай задержался ещё на секунду. В левом ухе тонко зазвенело и сразу стихло — знакомый после старой травмы симптом, особенно неприятный своей внезапностью. Николай привычно списал его на усталость и недосып.

Он открыл книжку, и ручка коснулась бумаги под послед-

ней строкой «ФАКТ».

Несколько мгновений Николай смотрел на пустую строку, затем закрыл книжку: отражение не было фактом — по крайней мере, пока.

Оставшееся до часа время ушло на работу, в которой не было ничего эффектного. Лебедев сверял первичную запись патруля с показаниями Дорохова и Громова, Николай вместе со старшим городовым восстанавливал, кто находился у библиотеки и кто мог видеть дверь после ухода Александра, а слуг по одному разводили по разным комнатам, чтобы они не успевали договариваться о деталях. Полноценные допросы оставили на потом; сейчас важно было сохранить порядок людей, времени и уже изменённых при реанимации предметов.

У двери библиотеки послышался новый голос — приехал фотограф из части, а вместе с ним техник криминалистической группы с ящиком фотопластин и штативом. Лебедев распорядился сначала снять дверь, общий вид и следы реанимации, не меняя положения предметов.

Николай вернулся к креслу, чтобы освободить проход для штатива. Он не собирался больше рассматривать прибор до съёмки, но при боковом свете заметил то, чего не увидел прежде.

На мягкой накладке инъекционной головки, обращённой к левому плечу сидящего человека, была маленькая бурая точка.

След был не больше булавочной головки. Николай наклонился, не касаясь поверхности. Точка находилась на светлом крае мягкой накладки инъекционной головки; вокруг поверхность оставалась чистой.

— Семён Петрович.

Лебедев подошёл и остановился рядом:

— Вижу.

— Пока не трогать. Сначала общий кадр, потом крупный.

— Согласен.

Фотограф поставил штатив; магниевая вспышка здесь не требовалась: он развернул компактную электрическую лампу с отражателем и начал выставлять экспозицию.

Николай снова открыл книжку и на левой стороне, под последней подтверждённой записью, написал:

«На мягкой накладке инъекционной головки — крошечный бурый след. Происхождение неизвестно».

Правую колонку он оставил пустой.

Часы в библиотеке начали бить час.

Первый удар пришёлся одновременно со щелчком затвора фотоаппарата.

Пояснения к главе

Ваше благородие — официальное обращение к чиновнику IX–XIV класса; Николай Вересов — титулярный советник IX класса.

Ваше высокоблагородие — официальное обращение к чиновнику VI–VIII класса; Семён Лебедев — надворный со-

ветник VII класса.

Моторный извозчик — городской наёмный автомобиль с водителем; функциональный аналог такси в Петербурге этого мира.

Судебный следователь — должностное лицо, ведущее формальное предварительное следствие по тяжким преступлениям и принимающее процессуальные решения.

Фрамуга — открывающаяся верхняя часть окна или стеклянной секции; в зимнем саду используется для краткого проветривания и сброса влажности.

Фотопластина — светочувствительная пластина для химической фотографии; после экспонирования и проявления на ней получается негатив изображения.

Глава 2

Стеклянная галерея

24 января 2026 года, 01:00–03:50

Щелчок затвора совпал с последним ударом библиотечных часов. Фотограф не отрывал глаз от матового стекла камеры: лишь поднял два пальца, и техник придвинул электрическую лампу ближе к креслу. Бурый след на светлой накладке стал заметнее, но вместе с ним проступили мелкие царапины на коже, шов и тень от металлического обода.

— Ещё один общий, — сказал фотограф. — Потом крупный.

Отступив к центральной дорожке, Николай заметил, как после часа ночи дом начал понемногу меняться. Гости уже не переговаривались за каждой дверью; усталость и полицейский порядок сделали то, чего не смогли просьбы хозяев. В музыкальной гостиной кто-то тихо плакал, в дальней комнате звякнула чашка, затем снова стало тихо. Из парадной время от времени доносились шаги: городские менялись у дверей, слуги приносили воду, уносили пустые подносы и всякий раз останавливались перед новой границей, которую им назначали люди Лебедева.

Пока фотограф менял пластину, техник поставил рядом с креслом масштабную линейку и, не касаясь накладки, закрепил её на отдельной стойке.

— След не брать до снимка, — напомнил Николай.

— Я слышал, ваше благородие, — отозвался техник без обиды. — При таком размере сперва изображение, потом уже ватка и пробирка.

Лебедев, стоявший у выломанного косяка, посмотрел на часы.

— Начинаем с общего положения. Дверь, пол, тело, кресло, окна. После съёмки тело можно будет подготовить к отправке в институт. До этого ничего крупного не двигаем.

— Карева сама приедет? — спросил Николай.

— Нет. Дежурный врач института уже уведомлён; тело доставят туда утром, а Карева примет его при исследовании. Здесь нам сейчас важнее не уничтожить то, что ещё осталось после реанимации.

Перейдя к двери, фотограф сначала снял расколотый косяк со стороны библиотеки, затем попросил городского поддержать рядом номерную доску, после чего осторожно выставил камеру почти у пола, чтобы получить крупный кадр латунного стержня, всё ещё сидевшего в вырванной скобе. Николай наблюдал не столько за работой, сколько за тем, как комната постепенно переставала быть местом смерти и превращалась в набор фиксируемых положений: угол створки, длина щепы, направление удара, расстояние от тела до кресла, положение стола, следы обуви на камне. Такое превращение было полезно: оно возвращало вещам размеры и заставляло человеческие слова ждать своей очереди.

— Бурое пятно отдельно, — сказал Лебедев фотографу.

— И перед взятием пробы ещё раз общий вид кресла.

— Сделаю.

Николай наклонился к краю дорожки и посмотрел на пол. На светлом камне было слишком много следов: широкие подошвы слуг, каблуки вечерней обуви, обувь врачей и санитаров. Возле тела отпечатки почти сливались, и криминалист, присев рядом, только вздохнул.

— Здесь мы уже не узнаем, кто первый, кто десятый.

— А где узнаем?

— У стен, если повезёт. И под креслом. Туда во время реанимации почти никто не лез.

Он начал отмечать мелом безопасные точки, с которых можно было работать, не наступая на ещё не снятые участки.

К четверти второго закончили общий круг съёмки. Только после этого дежурный врач вновь вошёл в галерею, проверил документы и вместе с двумя санитарями подготовил тело к перевозке. Лебедев потребовал отдельно перечислить всё, что снимали с покойного во время реанимации и что оставалось при нём. Часы, запонки, бумажник, носовой платок, связка ключей — вещи раскладывали на белом полотне, фотографировали и заносили в опись.

Связка была небольшой: три обычных ключа, один тонкий плоский и ещё один, совсем короткий, с овальной головкой и выбитой на ней буквой «М».

Николай посмотрел на Лебедева, ожидая пояснения.

— Медицинский?

— Пока ключ, — ответил тот. — Узнаем назначение — назовём точнее.

Техник снял связку крупно и только после этого поместил её в отдельный пакет.

Когда санитары подняли носилки, в галерее на мгновение стало тесно; затем люди разошлись, и место, где лежал Александр Оболенский, осталось пустым. На камне сохранилась влага от медицинского покрывала и смазанные следы реанимации. Теперь взгляд Николая чаще возвращался к креслу. Пока тело лежало рядом, прибор оставался частью лечения; без тела он выглядел отдельной вещью — слишком сложной для мебели и слишком домашней для больничного аппарата.

В этот момент из библиотеки появился Дорохов.

— Ваше высокоблагородие, Виктор Петрович прибыл. Вы велели вызвать его, когда закончится съёмка общего вида.

Лебедев обернулся к Николаю.

— Начнём с галереи или с кресла?

— С галереи. Если у комнаты есть второй вход, кресло может подождать.

— Разумно. Просите Карпова сюда.

Дорохов ушёл и через минуту вернулся с мужчиной в тёмном рабочем пальто и небрежно повязанном шарфе. Виктор Петрович Карпов оказался ниже Николая, широкоплечим, с крупными кистями и коротко подстриженными волосами, уже заметно тронутыми сединой. Полицейских он оглядел без тревоги, но с явным недовольством человека, которого

среди ночи подняли объяснять устройство знакомой ему машины.

— Виктор Петрович Карпов, главный механик товарищества, — представил его Дорохов. — Он отвечает за сложные инженерные системы дома и участвовал в последней перестройке галереи.

Карпов снял перчатки и убрал их в карман.

— Ваше высокоблагородие. Ваше благородие.

Лебедев кивнул и сразу перешёл к делу.

— Прошу извинить за ночной вызов, Виктор Петрович. Нам нужен человек, который знает эту конструкцию не по пересказам.

— Если вам нужен пересказ, это не ко мне.

— Тем лучше. Сколько входов в галерею?

— Для человека — один, через библиотеку. За служебной стеной есть техническая лестница к верхней площадке, но вход на неё из хозяйственного коридора, не отсюда.

Николай поднял голову к глухому торцу галереи.

— В первой записи технического доступа нет.

— Потому что из галереи туда двери нет, — ответил Карпов. — Лестница идёт за этой стеной и выводит на верхнюю площадку над растениями. Оттуда обслуживают фрамуги и приводы. Хотите — покажу.

— Хотим, — сказал Лебедев. — И всё, откуда взрослый человек хотя бы теоретически мог попасть внутрь, а не только то, что архитекторы считают входом.

Карпов посмотрел на него с плохо скрытым недовольством.

— Если вы ждёте дверь за пальмой, сразу разочарую. Здесь трубы, тяги, кабельные каналы, вентиляция. Для прохода нужен не чертёж, а свободный объём. Его нет.

— Это мы и проверим, — спокойно ответил Лебедев. — Тогда разочарование будет оформлено надлежащим образом.

Николай не удержался от улыбки; Карпов заметил её, поджал губы и больше спорить не стал.

Проверку начали с пола. Карпов попросил принести из служебной комнаты два старых чертежа и разложил их на библиотечном столе, прижав углы тяжёлыми книгами. Пальцем по линиям он почти не водил: размеры и узлы называл по памяти, лишь время от времени сверяясь с листом.

— Под галереей подвала нет. Каменная плита лежит на металлических фермах, ниже идёт низкий отопительный канал. Высота местами до восьмидесяти сантиметров, дальше меньше. Люк обслуживания в котельной части, не здесь. Из канала в галерею выходят только трубы. Если кто-нибудь попробует там пролезть, застрянет раньше, чем поймёт, зачем полез.

— Люк опечатать и проверить отдельно, — сказал Лебедев городовому.

Карпов кивнул, будто ожидал именно такого распоряжения.

Осмотр стен шёл медленнее: новые стеклянные секции держались на металлических стойках, входивших в нижнюю и верхнюю обвязку. В каждом узле были видны винты, прокладки и старые отметки краски. Техник подсвечивал фонарём крепёж, фотограф снимал места, где теоретически можно было снять панель.

— Эту раму когда-нибудь вынимали целиком? — спросил Николай.

— Новые — да, при замене. Старые серебрёные при мне не снимали. Их вынимают только вместе с рамой и подложкой. При таком весе и такой хрупкости ночью и вдвоём я бы даже не предложил их трогать.

— А частично?

Карпов указал ногтем на узкую декоративную планку у ближайшей к служебной стене старой секции.

— Вот эта планка снимается. За ней сервисная полость: крепёж, старые тяги, местами пустота под прежнюю проводку. Руку просунуть можно. Человека — только если разобрать на части.

— Открывайте.

— Не я, — отрезал Карпов. — Серебрение старое. Если при снятии поведёт кромку, потом скажут, что главный механик испортил музейный кусок дома. Нужен реставратор.

Дорохов, до того молча следивший за осмотром, сразу вмешался:

— Я уже позвонил мастеру из реставрационной мастер-

ской, которая ведёт галерею. Он живёт на Васильевском острове и обещал приехать, как только найдёт ночной таксомотор.

Лебедев сверился с часами.

— Пока займёмся тем, что не требует реставратора.

К технической лестнице прошли через хозяйственный коридор за служебной стеной галереи. Узкая дверь открывалась обычным ключом Дорохова; за ней металлические ступени поднимались вдоль наружной стороны стены к верхней площадке над зимним садом. Путь на площадку перекрывала решётчатая калитка, за которой обслуживали фрамуги и приводы вентиляции.

Калитку запирали навесной замок; на его дужке была закреплена свежая полицейская бумажная пломба. Её поставили уже после прибытия патруля, а до этого, по словам Дорохова, замок оставался закрыт весь вечер.

— Ключ? — спросил Николай.

— У меня и у старшего садовника, — ответил управляющий. — Оба ключа уже сданы городовому.

Лебедев распорядился снять полицейскую пломбу с отметкой времени. Городовой отделил бумажную ленту, техник убрал её в конверт, и Дорохов открыл калитку одним из сданных ключей. После осмотра проход предстояло запереть и опечатать заново.

— А сверху можно выйти наружу?

Карпов поднял фонарь, освещая верхние ступени.

— На площадку — через эту калитку. Наружу — через технический люк в крыше; он выше ещё на один марш и закрывается отдельным замком. Оттуда можно выйти на кровлю. А чтобы с площадки попасть в самую галерею, придётся перелезть ограждение и спуститься с четырёхметровой высоты: лестницы вниз нет.

Николай посмотрел через решётку на верхнюю площадку, уходившую в темноту над растениями. На одном участке ограждение было новее соседних секций, но это пока ничего не значило: дому было больше ста лет, и переделок он пережил немало.

— Проверим и крышу, — сказал он.

Карпов лишь вздохнул.

— Проверяйте. Только снег там вам ответит быстрее меня.

Снег действительно ответил быстрее: городской, поднявшийся с Карповым и техником к верхнему люку, через десять минут сообщил, что вокруг него лежит ровный ночной слой без свежих следов. Сам люк был закрыт изнутри, замок исправен. Фотограф снял снег до того, как кто-либо ступил на кровлю за пределами площадки.

Спустившись, городской снова запер калитку; техник поставил новую пломбу и внёс её номер и время в запись осмотра.

Вернувшись вниз, Николай остановился у служебной стены — единственного глухого участка галереи. За деревян-

ными панелями скрывались отопительные трубы, приводы штор, вентиляционные тяги и проводка освещения. Карпов снимал небольшие ревизионные крышки одну за другой; за ними открывались узкие металлические короба, пыльные тяги и пустоты шириной в одну-две ладони.

— Вот ваш тайный ход, — сказал он, когда очередная крышка показала вертикальный канал. — Семнадцать сантиметров между стойками. Если преступник был ремнём, то да, прошёл.

— А если через стену передали предмет? — спросил Николай.

Карпов перестал усмехаться и ответил уже без раздражения:

— Это уже нормальный вопрос. Через некоторые каналы можно протянуть провод, тонкую трубку, инструмент. Но провести что-либо от кресла в соседнее помещение без следов не получится: прямого канала нет. Все трассы разбиты перегородками и уходят вверх или вниз.

— Значит, не человек, но предмет исключать рано.

— Предмет какого размера?

— Пока любого, который мог иметь значение.

— Тогда вы до утра будете мерить щели.

— У нас как раз есть время.

Карпов задержал на Николае взгляд на секунду дольше, потом молча потянулся к следующей ревизионной крышке.

К двум часам стало ясно главное: скрытого человеческого

прохода через пол, служебную стену или стеклянные секции не было. Техническая лестница выводила лишь на площадку над галереей; спуска в помещение с неё не существовало, а на кровле свежих следов не нашли. Галерея не была герметичной, но единственным обычным путём внутрь оставалась дверь из библиотеки. Каналы годились для воздуха, тяг, проводов и инструмента, но не для человека.

Николай открыл книжку и записал слева:

«Скрытый проход для человека в осмотренных конструкциях не обнаружен. Технические каналы имеются; проверить возможность передачи предмета отдельно».

На правой странице вслед за этим появилось:

«Ошибка в предположении о закрытости помещения пока не подтверждена».

Точку Николай ставить не спешил; на последнем слове чернила расплылись в маленькое тёмное пятно, и он закрыл книжку, прежде чем испортить страницу сильнее.

Реставратор приехал в два часа семь минут, рассерженный морозом, ночным вызовом и самой мыслью о том, что кто-то может попытаться разбирать старое стекло без него. Невысокий седой человек в слишком большом меховом пальто вместо приветствия потребовал показать, кто уже касался серебряных рам.

— Никто не снимал планки, — сказал Лебедев. — Осматривали крепёж снаружи.

— Снаружи можете смотреть хоть до Пасхи. От этого

стекло не треснет.

Карпов негромко фыркнул.

— Я им то же самое сказал.

— Вы им сказали про сервисную полость?

— Сказал.

— Тогда почему она ещё закрыта?

— Потому что я вас ждал.

— Разумный человек. Ночью особенно редкий.

Николай решил, что этих двоих лучше не знакомить подробнее.

Реставратор надел тонкие перчатки, осмотрел кромку выбранной у служебной стены секции и разрешил снять декоративную планку. Карпов работал инструментом, но каждое движение делал только после короткого кивка специалиста. Под планкой открылась узкая продольная полость с крепёжными головками, остатками старого войлока и несколькими пустыми пазами.

Техник направил внутрь фонарь.

— Вверх уходит сантиметров на двадцать. Вниз больше.

Видимую часть полости ночью осматривали прежде всего как возможный путь проникновения. Слежавшийся старый войлок и мелкий мусор на дне не извлекали: без отдельного основания и подготовленного реставрационного осмотра разбирать содержимое хрупкой рамы Лебедев не разрешил.

Реставратор сразу покачал головой.

— Вниз вы видите не всё. За серебрёной подложкой есть

нижний конструктивный канал. Он сделан под старое основание и компенсационный зазор. Нормально его не осмотреть, пока не снимете всю панель.

Лебедев, не отрывая взгляда от открытой полости, спросил:

— Можно снять сейчас?

— Можно и рояль выбросить из окна, если очень захотеть. Но если вопрос в том, можно ли снять панель правильно, — нет. Нужны подъёмная рама, присосы, стойки, тепло и люди. Серебряный слой старый, край местами уже поднимался. Дёрнете ночью — получите вместо улики мешок стекла.

— Нам нужно понять, может ли там скрываться человек.

Реставратор впервые посмотрел на Лебедева без раздражения.

— Человек — нет. Нижний канал уже ладони. Предмет — смотря какой. Без демонтажа я не возьмусь утверждать, что там пусто по всей длине.

Николай наклонился к кромке вслед за лучом фонаря и увидел внутри тёмную щель, слишком узкую для руки и достаточно глубокую, чтобы свет терялся через несколько сантиметров. Никакого движения, никакого отражения — только старое дерево, металл и серебряная подложка.

Он вспомнил запоздалый поворот в стекле и тут же заставил себя вернуться к тому, что можно было измерить.

— Фиксируем состояние и оставляем до отдельного решения, — сказал Лебедев. — Без демонтажа.

— Вот теперь вы мне нравитесь, — проворчал реставратор.

Планку вернули на место не сразу: сначала её, полость и крепёж сняли с масштабом, а техник записал размеры и состояние кромки. После этого реставратор сам закрыл секцию и закрепил на двух винтах маленькие бумажные контрольные полоски с подписями понятых.

Когда с рамами закончили, Лебедев кивнул в сторону лечебной ниши.

— Теперь кресло.

Карпов посмотрел на аппарат, словно только этого и ждал.

— Вот там хотя бы всё сделано людьми, которые любили чертежи.

— Уже обнадёживает, — сказал Николай.

Фотограф ещё раз снял кресло целиком, затем крупно бурый след, рукоять запуска, боковую панель и крышку лекарственного модуля. После этого техник взял с накладки пробу и упаковал тампон в стеклянную пробирку. Саму инъекционную головку пока не снимали.

Карпов присел рядом и указал на правый бок кресла.

— Здесь два разных узла. Если сразу их не разделить, дальше будете путать. Задняя часть — сервисная: привод, давление, нагрев, регулировка положения. Боковая — медицинская: лекарственная кассета, подача и инъектор.

— Почему разные доступы? — спросил Николай.

— Потому что механику незачем лазить в лекарство, а

врачу — в привод. Заднюю крышку я могу снять своим инструментом. Крышку лекарственного модуля штатно открывает ключ.

— Ваш ключ?

— У меня такого нет.

— Но до кассеты вы всё равно можете добраться?

Карпов поморщился, прежде чем ответить:

— Если вы спрашиваете, можно ли добраться туда инструментом, — можно. Я главный механик, а не гость из гостиной. Но это уже не штатный доступ: придётся снять задний кожух, освободить инъекторный узел и подойти к кассетной части сбоку. Следы останутся на винтах, прокладках, фиксаторах. Если делать всё ночью на коленке — тем более.

Лебедев тут же уточнил предел этого вывода:

— После обычного обслуживания такие следы тоже возможны?

— Конечно. Поэтому я не сказал, что любой след будет преступлением. У кресла есть карта работ. Сравнивайте с ней.

Николай запомнил главное: нештатный путь к кассетной части существовал и должен был оставлять проверяемые следы.

— Покажите рабочий цикл, не запуская его, — попросил Николай.

Карпов сел на корточки и положил ладонь на рукоять, но не повернул.

— Пациент садится, выставляет спинку, освобождает плечо и поворачивает рукоять в рабочее положение. Далее механизм сам проходит последовательность: прогрев, давление, подача. Если кассета установлена и медицинская часть разрешает цикл, инъектор срабатывает. После завершения привод возвращается в исходное положение.

— А сервисный?

— Для проверки после обслуживания. Нагрев и привод можно прогнать без лечебного впрыска: у кресла есть отдельное сервисное положение. Механика и давление проверяются без пациента.

— Кассета расходуетсЯ?

— В нормальном сервисном цикле — нет. Иначе каждый ремонт стоил бы как лечение.

— Кто может поставить сервисный режим?

— Тот, кто знает устройство: я, заводской механик, врач — если его обучали работе с этой моделью. Здесь врач обучен, иначе ему бы не дали второй ключ медицинского модуля.

Николай уточнил:

— Второй?

— У хозяина должен быть личный. У врача — медицинский. Иногда есть аварийный у управляющего, если хозяева не хотят ждать приезда службы при заклинившем замке.

Дорохов, стоявший у входа, подал голос:

— Аварийный ключ имеется. Опечатан в моём сейфе.

Лебедев сразу обратился к управляющему:

— Покажете.

Они оставили техника у кресла и прошли в кабинет управляющего. Сейф стоял за панелью старого шкафа; Дорохов открыл его ключом, который носил при себе. Внутри лежали запасные ключи от медицинского оборудования, аварийные жетоны дверей и несколько пакетов с подписями.

Нужный ключ находился в плотном конверте, перетянута шнуром; узел был скреплён сургучной печатью.

— Последняя проверка? — спросил Лебедев.

Дорохов снял со стены журнал и раскрыл нужную страницу.

— Первого декабря. Я сверял аварийный комплект перед годовой описью. После этого конверт не вскрывался.

Техник осмотрел сургуч под лупой, сфотографировал и подтвердил, что явных следов повторного вскрытия не видно. Лебедев, однако, не позволил вскрывать конверт.

— Если пломба цела, сейчас важнее сохранить её целой. Опишем и изыдем пакет как есть.

Дорохов на мгновение задержал руку на краю сейфа.

— Изымете весь комплект?

— Только этот конверт. Остальное опишем на месте.

— Разумеется.

Управляющий произнёс это без недовольства, но Николай заметил, как тот проводил взглядом пакет, когда техник убрал его в служебную сумку. Для Дорохова дом состоял из

распорядка и вещей, которые должны находиться на своих местах. Полиция превращала этот порядок в опись и увозила его по частям.

Вернувшись в галерею, они попросили принести пакет с личными вещами Александра. Короткий ключ с овальной головкой по размеру и профилю соответствовал замку лекарственного модуля, но до съёмки вставлять его не стали. Карпов взглянул на маркировку и подтвердил:

— Личный медицинский. Буква «М» — модуль, не фамилия.

— Значит, ключ Александра найден при нём, — сказал Николай.

Лебедев сразу уточнил формулировку:

— Найден при нём сейчас. Это не доказывает, что весь вечер ключ не покидал связку.

— Именно.

Карпов перевёл взгляд с одного на другого, но ничего не сказал.

Оставалось проверить второй штатный ключ, и около половины третьего Левина пригласили в библиотеку. Он пришёл без пальто, с ослабленным галстуком; усталость за прошедшие часы стала заметнее, однако говорил врач по-прежнему спокойно.

— Матвей Борисович, — начал Лебедев, — нам подтвердили, что у вас имеется штатный медицинский ключ от модуля кресла Александра Сергеевича.

— Да.

— Он при вас?

— При мне.

Левин вынул небольшую связку; один ключ отличался от остальных короткой овальной головкой, почти такой же, как у найденного среди вещей покойного, только с выбитой цифрой «2».

Техник положил его на белый лист.

— Когда вы в последний раз пользовались этим ключом?

— спросил Николай.

— Днём, во время планового осмотра. Проверял лекарственный модуль и кассету.

— Меняли кассету?

Левин ответил:

— Нет. Я сверил маркировку и срок годности, кассету не менял. Отметка должна быть в медицинской карте.

Николай лишь кивнул. Медицинскую карту всё равно предстояло изъять и сверить с устройством отдельно.

— Ключ придётся изъять и опечатать как предмет, связанный с доступом к модулю, — сказал Лебедев. — Это не обвинение и не ограничение вашей свободы передвижения.

— Я понимаю.

— Возражения?

— Нет. Только прошу оформить расписку. Ключ числится за мной по учётной карточке оборудования.

— Оформим.

Левин подписал запись об изъятии, дождался, пока ключ положат в конверт и поставят печать, после чего спросил:

— Вам понадобится объяснение по устройству инъектора?

— Позже, — ответил Николай. — Сейчас нам достаточно механической части. Медицинскую будем разбирать отдельно.

— Разумно.

Закончив с распиской, Левин вернулся в гостиную. Карпов, стоявший у кресла, снова повернулся к боковой панели.

— Теперь открываем? — спросил он.

Лебедев дождался, пока фотограф закончит очередной кадр, и спросил:

— Всё снято?

— Общий, замок, пломба, головка, задняя крышка — да.

— Тогда только штатным личным ключом покойного. Без вскрытия кассеты.

Техник отметил в протоколе, что ключ извлекают из пакета только для открытия модуля; после осмотра его следовало снова упаковать и опечатать отдельно.

Ключ вставили в замок после того, как техник сфотографировал его рядом с маркировкой. Он повернулся без усилия; Карпов откинул маленькую крышку, и внутри показали металлический блок с установленной кассетой. Её защищала отдельная тонкая пломба с номером и светлой полоской герметика по краю. После поворота ключ сразу вернули

технику; тот убрал его в новый пакет и опечатал.

— Руками не трогаем, — сказал техник.

— Я не собирался, — ответил Карпов.

Николай наклонился ближе: на первый взгляд всё выглядело аккуратно и штатно. Кассета сидела в гнезде ровно, маркировка читалась, пломба была цела.

— Где счётчик? — спросил он.

Карпов указал на маленькое окно ниже замка.

— Это общий механический счётчик. А регистратор циклов — здесь.

Он показал узкую крышку, за которой находилась бумажная лента на двух катушках и маленький часовой механизм. На ленте через равные промежутки стояли метки времени и короткие штампы двух типов.

— Что именно отмечает лента? — спросил Николай.

— Рабочий цикл отмечается буквой «Р», сервисный — «С», — объяснил Карпов. — Часовой барабан работает вместе с креслом. Точности до секунды нет, но несколько минут различить можно. Ленту меняют при обслуживании, старую подшивают к карте аппарата.

— Можно прокрутить назад?

— Штатно — нет. Только вскрывать регистратор, а это оставит след.

— Последний цикл?

Карпов к ленте не прикоснулся; техник подсветил её сбоку, и они прочитали ближайшую отметку.

«Р — 22:34».

Николай вспомнил кресло, расстёгнутый ворот Александра, слова Левина и закрытую дверь. Время совпадало с уже известной последовательностью.

Ниже по ленте шли старые записи, часть дневных, часть недельной давности. Карпов попросил карточку обслуживания, которую Дорохов принёс из домашнего медицинского шкафа. В ней были отмечены обычные процедуры и несколько технических проверок.

— Здесь дневной осмотр, — сказал Николай. — В пятнадцать двадцать.

— Это визит врача, не цикл, — поправил Карпов. — Смотрите ленту.

Карпов медленно провёл пальцем над краем ленты, не касаясь её. Последняя отметка цикла, подтверждённая карточкой обслуживания, относилась к предыдущему дню. Дальше, уже на секторе двадцать третьего января, до вечернего рабочего цикла стояла ещё одна отметка.

«С».

Карпов нахмурился, сравнивая отметку с карточкой.

— Вот этого в карте нет.

Лебедев подошёл к регистратору.

— Время?

Техник взял лупу и ещё раз сверил деления.

— Между семнадцатью сорока и семнадцатью сорока пятью. Барабан на пятиминутных делениях.

Николай спросил Карпова:

— Кто мог запустить такой тест?

— Тот, кто знает сервисное положение.

— Вы?

— Мог бы.

Николай переспросил:

— Делали?

— В это время? Нет.

— Где вы были?

Карпов на секунду сжал губы.

— Это уже допрос?

— Пока вопрос по техническому осмотру.

— Тогда отвечу в рамках осмотра: вечером меня вызывали к датчику в служебной зоне, но позже. Точного времени сейчас не назову. Есть журнал заявок.

Лебедев спокойно сказал:

— Подробно разберём это утром, уже отдельно. Сейчас нам нужно установить, что означает эта отметка.

Карпов кивнул.

— Она означает, что кресло проходило сервисный цикл. Не больше. Такой цикл сам по себе не вводит лекарство и не доказывает, что медицинский модуль открывали.

— Но кто-то к креслу подходил.

— Да.

— И этого нет в карте обслуживания.

— В карте нет.

Николай снова открыл книжку и записал слева:

«Регистратор: рабочий цикл около 22:34; неучтённый сервисный цикл около 17:40–17:45».

На правой странице после короткой паузы появились слова:

«Вмешательство? Законная проверка без записи? Связь с лекарственным модулем не установлена».

Лебедев прочёл через его плечо и негромко сказал:

— Хорошая последняя строка.

— Потому что ничего не решает?

— Потому что не притворяется, будто решает.

До трёх часов оставалось меньше десяти минут. За окнами ветер снова погнал по тёмному двору сухую снежную пыль. В доме окончательно стихли голоса гостей: часть второстепенных свидетелей после первичной фиксации отпустили с требованием явиться по вызову, тех, чьи показания нужно было проверить утром в первую очередь, разместили в разных комнатах. Никого не задерживали: оснований для этого пока не было. Усталость ощущалась уже не как сонливость, а как плотное давление за глазами. Кофе, принесённый Дороховым, так и остыл на библиотечном столе.

Оставалось зафиксировать привычный порядок пользования креслом.

Дорохов привёл Громова и Елизавету Павловну Ракитину, экономку. Они говорили по очереди, стоя у дверей библиотеки, и Лебедев не позволил разговору превратиться в

совместное воспоминание.

— Князь всегда запирался? — спросил Николай у Громова.

— Не всегда в галерее, ваше благородие. Но если садился здесь в кресло — почти всегда запирался. Пиджак снимал, ворот расстёгивал. Не любил, когда кто-нибудь входил.

— Кто запускал кресло?

— Сам Александр Сергеевич.

— Вы когда-нибудь запускали за него?

— Нет. Нам запрещено.

Ракитина ответила без торопливости:

— Прислуга протирает кресло, меняет полотняные накладки и вызывает техника, если что-то не работает. Лекарственную часть не открываем. Александр Сергеевич процедуру начинал сам. Матвей Борисович показывал ему порядок ещё при установке.

— Кассеты кто менял?

— Доктор или сам князь по указанию доктора. По крайней мере, так было принято. За последние месяцы я не видела, чтобы это делал кто-нибудь из домашних.

— А сегодня?

Ракитина покачала головой, вспоминая дневной распорядок.

— Днём доктор был у Александра Сергеевича. Я видела его в доме, но в нишу не заходила. Вечером кресло не трогала.

Николай не стал развивать тему дневного визита: подробные допросы ещё предстояли, а лишние уточнения сейчас могли произвольно подсказать свидетелю готовую последовательность событий.

Когда слуг отпустили, Лебедев несколько секунд молча смотрел на кресло, затем спросил:

— Что у нас есть к трём часам?

Николай начал с того, что уже можно было считать установленным:

— Настоящий внутренний засов. Скрытого человеческого прохода в осмотренных конструкциях нет. Есть технические каналы, через которые можно передать небольшой предмет, но прямой связи с креслом пока не нашли. Верхняя площадка не имеет спуска в галерею, на кровле свежих следов нет. Одну старую секцию проверили через сервисную полость; ни одну серебрёную панель целиком не снимали. Глубокий нижний канал полностью не осмотрен, но для человека он заведомо непригоден.

— Дальше.

— По словам слуг, Александр обычно запускал кресло сам. Рабочий цикл в двадцать два тридцать четыре совпадает с известной последовательностью. Лекарственный модуль имеет три пути штатного доступа: личный ключ Александра, медицинский ключ Левина и опечатанный аварийный дубликат. Аварийный пакет выглядит невскрытым. Личный ключ найден среди вещей Александра, но это не доказывает, что

раньше его никто не брал. Ключ Левина изъят и опечатан.

Лебедев выслушал и уточнил:

— Технический доступ Карпова?

— Нештатный. Возможен через разбор сервисной части; такой доступ должен оставлять следы, которые надо сравнить с картой ремонта.

— Счётчик?

— Есть неучтённый сервисный цикл между семнадцатью сорока и семнадцатью сорока пятью. Сам по себе он не означает открытие лекарственного модуля и ничего не говорит о причине смерти.

— Уже лучше, чем привидение.

— Привидение хотя бы не требует сверять журнал обслуживания.

Лебедев едва заметно усмехнулся.

— А бурый след?

— Изъят. До анализа — просто бурый след.

— Рад слышать.

После этой короткой сверки они вернулись к креслу. Техник готовился оформить изъятие кассеты, а затем опечатать лекарственный модуль; Карпов держался в стороне и не вмешивался, пока к нему не обращались. Фотограф уже собрал большую камеру, оставив маленькую на штативе для последней серии крупных снимков.

— Пломба кассеты, — сказал техник. — Я бы снял её ещё раз под косым светом.

— Почему? — спросил Николай.

— Не нравится край.

Карпов подошёл ближе, но остановился за отмеченной линией.

— Что с ним?

Техник повернул лампу так, чтобы косой свет лёг на тонкую полосу герметика вокруг металлической кассеты. Теперь стало видно, что поверхность у пломбы была гладкой и светлой, почти без налёта, тогда как соседние части гнезда успели собрать тонкую сероватую пыль.

— Может, кассету меняли недавно, — сказал Карпов.

— Это нормально? — спросил Лебедев.

— Нормально, если её действительно меняли. Кассеты не обязаны стареть вместе с креслом.

Николай наклонился, не касаясь края. Сама пломба выглядела целой, номер читался, надрывов не было, и всё же светлая полоска вокруг неё казалась слишком чистой для детали, к которой, по словам прислуги, никто из домашних не обращался.

— Когда должна была быть установлена эта кассета? — спросил он.

Карпов слегка пожал плечами.

— Это к врачу и медицинской карточке. Я не веду лекарства.

— А по внешнему виду можно сказать, сколько ей дней?

— Нет. Можно сказать только, что кромка свежая на вид.

Это не дата.

Николай кивнул: большего по внешнему виду всё равно было не установить.

Техник сделал два снимка под разными углами, затем переписал номер пломбы и кассеты. По указанию Лебедева кассету изъяли целиком, не нарушая её собственной пломбы: Карпов показал только штатный фиксатор гнезда, после чего техник в перчатках вынул металлический корпус, положил его в жёсткий футляр и опечатал. Вскрывать саму кассету и исследовать содержимое предстояло уже по отдельному акту с медицинским специалистом. Пустой лекарственный модуль сфотографировали ещё раз, закрыли и опечатали контрольной лентой.

Николай снова открыл записную книжку и на левой странице написал:

«Пломба установленной лекарственной кассеты цела; край герметизации выглядит свежее окружающих поверхностей. Номер зафиксирован. Дата установки пока неизвестна».

На правой стороне появилось три строки:

«Обычная недавняя замена».

«Неучтённое обслуживание».

«Подмена до запираения комнаты».

На третьей строке Николай задержал ручку. Запертая дверь никуда не исчезла и не стала менее настоящей, но перестала быть центром загадки. Засов исключал поздний вход

человека; он ничего не говорил о том, что могло быть подготовлено здесь до того, как Александр закрылся изнутри.

Николай перечитал собственную запись и закрыл книжку.

Лебедев ничего не спросил, только посмотрел на часы: было без десяти четыре.

Над стеклянной крышей темнело ясное морозное небо. Старые серебрёные панели молчали, возвращая лампы и людей с обычной, безукоризненной точностью.

Пояснения к главе

Сервисная полость — техническое пространство внутри рамы или корпуса, предназначенное для доступа к крепежу, тягам и другим обслуживаемым деталям.

Серебрение — отражающий металлический слой на старом зеркальном стекле; в галерее часть панелей сохранила историческую серебрёную подложку.

Лекарственная кассета — герметичный сменный картридж лечебного кресла с назначенным пациенту препаратом.

Сервисный цикл — техническая проверка привода и давления лечебного кресла без лечебного введения пациенту.

Регистратор циклов — механическое устройство с бумажной лентой, фиксирующее время и тип работы кресла.

Сургучная печать — контрольная пломба из затвердевшего сургуча с оттиском; повреждение показывает вскрытие упаковки или конверта.

Глава 3

Пять причин солгать

24 января 2026 года, 09:30–12:00

К половине десятого дом Оболенских выглядел иначе, чем ночью. Ночная позёмка улеглась, мороз сделал воздух прозрачным, а у парадных на Галерной синеватую наледь уже присыпали песком. Ночные автомобили разъехались; у княжеского дома оставались две полицейские машины, таксомотор с поднятым флажком и служебный фургон криминалистов, водитель которого грел двигатель у поребрика.

Николай вошёл через парадную, по привычке показал дежурному удостоверение и поднялся наверх. За несколько утренних часов дом успел перейти от общей тревоги к вынужденному порядку: слуги говорили вполголоса, двери, которыми ночью хлопали десятки людей, теперь открывали осторожно, а у входа в библиотеку стояла новая пломба с подписью Лебедева. Галерею после ночного осмотра оставили закрытой до решения о дальнейших экспертизах.

В бывшем кабинете секретаря Фонда, куда перенесли первую серию допросов, уже сидел Лебедев. На столе лежали пять тонких папок, стопка протокольных бланков и две чашки крепкого чая. Рядом устроился молодой письмоводитель судебного следователя; он проверял ленту стенографического аппарата и старался делать это как можно тише.

— Выспались? — спросил Лебедев.

— Если считать с половины пятого до восьми сном, то да.

— Тогда вы счастливее меня.

Николай снял пальто, повесил его на спинку свободного стула и посмотрел на папки.

— Все согласились остаться?

— Семья никуда и не уходила. Карпов ночевал у себя в мастерской при заводском корпусе, его привезли к девяти. Зарецкая сначала просила перенести разговор на вечер, потом вспомнила, что у полиции бывает собственное расписание. Левин был дома два часа и вернулся сам. Никого пока не задерживаем и не называем подозреваемым. Пять свидетелей, у каждого свой интерес к покойному и свой кусок вечера.

— И пять причин говорить нам не всё.

Лебедев отодвинул к нему верхнюю папку.

— Начнём с князя Сергея. Справку подняли ночью через ведомственную картотеку и канцелярию товарищества. Глубокий архив не трогали — только образование, служба и нынешняя должность.

На первом листе были перечислены должности, годы службы и образование. Николай дважды перечитал одну строку: «Императорский технологический институт, механическое отделение; квалификация — инженер-механик». Ниже значилось, что в молодости Сергей Сергеевич несколько лет работал не в представительской канцелярии, а в производственном управлении, после чего постепенно перешёл

к финансам и общему руководству.

— Не только кабинетный промышленник, — заметил Николай.

— Таких среди старых фамилий хватает. В нашем веке дворянство от чертежей не освобождает.

— Я не про дворянство. Просто запомню.

Лебедев кивнул и убрал справку под протокольный лист.

— Запомнить можно. Делать выводы пока не из чего.

Князь Сергей Сергеевич вошёл без сопровождающего. Он успел переодеться: вместо вчерашнего вечернего сюртука на нём был тёмный дневной костюм с высоким воротом. Лицо казалось уставшим, но усталость не нарушала ни осанки, ни речи.

— Господа, — сказал он, остановившись у стола. — Надеюсь, формальности не займут весь день. У семьи есть дела, которые не могут ждать.

— Смерть вашего брата тоже относится к делам семьи, ваше сиятельство, — спокойно ответил Лебедев. — Присаживайтесь.

Сергей сел и положил перчатки на колено.

Лебедев начал с обычных вопросов: полное имя, возраст, положение в товариществе, отношение к покойному, время прибытия на вечер. Сергей отвечал без запинки и всякий раз чуть шире, чем требовал вопрос, словно заранее расставлял вокруг ответа собственные границы.

— Вы спорили с Александром Сергеевичем незадолго до

сеанса? — спросил Николай.

— Мы обсуждали последствия решения, которое он собирался объявить утром.

— Спорили?

Сергей перевёл на него спокойный взгляд.

— Если вам нужно это слово — да. Александр собирался передать властям старые материалы товарищества, изменить распределение части своего пакета акций и объявить компенсационную программу при Фонде Варвары.

— Вы были против?

— Против того, чтобы восемнадцатилетнюю историю превратили в публичное самосожжение компании до того, как совет оценит последствия. Банки, договоры, поставки, акционеры, пресса — и, разумеется, удар по фамилии. Я заместитель председателя правления; вопросы возникли бы и ко мне.

— Значит, боялись разоблачения?

— Я перечислил то, чего опасался. Короткую формулу рядом с моей фамилией подбирайте сами.

Лебедев сделал короткую пометку.

— А насколько справедливы были бы вопросы лично к вам?

— Это установят документы. Не семейный разговор в полночь и не газетная колонка.

Лебедев сделал в протоколе короткую пометку и не вмешался.

— Вчера вы настаивали, чтобы брат отложил своё решение до понедельника?

— Да.

— Почему именно до понедельника?

— Чтобы собрать совет и юристов. Сегодня суббота. К утру понедельника можно было хотя бы понять, что именно мы сообщаем государству, банкам и людям.

— Значит, вам было важно, чтобы Александр Сергеевич дожил до понедельника, — сказал Николай.

Сергей посмотрел на него почти с интересом.

— Если это попытка поймать меня на красивой фразе, то она слишком проста. Да, мне было важно, чтобы мой брат был жив. И да, мне было важно, чтобы он не разрушил компанию одним жестом. Оба утверждения могут быть правдой одновременно.

— Кто предложил пригласить Ирину Николаевну Зарецкую?

Сергей ответил не сразу.

— Развлекательную часть вечера обсуждали несколько человек: распорядитель, секретарь Фонда, я, возможно, Наталья.

— Зарецкую вы знали лично до вчерашнего вечера?

— В Петербурге трудно занимать заметное положение и совсем не знать людей, которые выступают в домах нашего круга.

— Встречались с ней частным образом?

Сергей выравнивал перчатки на колене.

— Особой связи с госпожой Зарецкой у меня нет. Случайные встречи, благотворительные вечера, общие знакомые — возможно. Частной дружбы или какого-либо союза нет.

Лебедев поднял глаза.

— Мы спросили о встречах, не о союзе.

— А я отвечаю на смысл вопроса.

— Кто оплачивал её выступление?

— Фонд. Полагаю, через канцелярию. Я не казначей.

Николай открыл книжку на вчерашнем развороте. Рядом с ночными записями появилась новая строка: «Сергей: знакомство не отрицает; вопрос о частных встречах заменяет формулой особой связи нет».

— Где вы находились между шестью и семью вечера? — спросил он.

Сергей чуть нахмурился, словно восстанавливая вечер по часам.

— В доме. Проверял бумаги Фонда, разговаривал со служащими и людьми, готовившими вечер.

— В галерее были?

— Был. Осматривал помещение перед приёмом.

— Один?

— Возможно, несколько минут. По часам не следил.

— Лекарственное кресло видели?

— Оно стоит там четыре года. Конечно, видел.

— Пользоваться умеете?

Сергей посмотрел на Николая уже внимательнее.

— Нет.

— Вы инженер-механик по первому образованию.

На лице князя не появилось ни раздражения, ни удивления.

— И поэтому, по-вашему, обязан уметь пользоваться каждым механизмом в доме?

— Поэтому спрашиваю.

— Я понимаю принципы работы пневматики лучше среднего человека. Это не делает меня врачом и не означает, что я разбирался в устройстве кресла моего брата.

— В производственном управлении вы работали несколько лет.

— Двадцать с лишним лет назад. Если потребуется полная служебная биография, товарищество её предоставит.

— Потребуется.

— Тогда вы её получите.

Он произнёс это без вызова, почти деловым тоном, которым, похоже, предпочитал заканчивать неудобные темы.

Когда он вышел, Лебедев подождал, пока дверь закроется.

— Что скажете?

— Ни одного прямого отказа там, где вопрос можно подменить соседним.

— Это ещё не ложь.

— Нет. Но если человек исправляет формулировку раньше, чем мы успеваем её записать, значит, формулировки для

него важны.

— Для князя Сергея они важны всегда.

— Тогда посмотрим, где он считает нужным быть особенно точным.

Письмоводитель остановил ленту, чтобы заменить катушку. Николай поднялся за чашкой и обнаружил, что чай успел остыть.

За окном дворник сгребал у парадной присыпанный песком снег, а на стеклянной крыше зимнего сада лежала ровная белая полоса. Ночью та же крыша казалась почти чёрной. Николай сделал глоток, поморщился и поставил чашку обратно.

Лебедев убрал протокол Сергея под низ стопки и положил сверху следующую папку. Впереди была уже другая версия той же ночи.

Наталья вошла через минуту, не дожидаясь повторного приглашения. На ней был тёмный костюм простого кроя, волосы собраны без вчерашней светской укладки; усталость делала её похожей не на наследницу княжеского дома, а на инженера после ночной аварии на производстве.

— Николай Арсеньевич. Семён Петрович.

Она села, не дожидаясь, пока ей укажут место.

Лебедев представил письмоводителя и объяснил порядок допроса. Наталья выслушала, кивнула и сразу сказала:

— Если вы собираетесь спрашивать, хотела ли я смерти отца, лучше спросите сейчас. Потом будет труднее делать

вид, будто остальное не связано с этим вопросом.

Николай несколько секунд изучал её лицо, прежде чем спросить:

— Хотели?

— Нет.

Она ответила сразу и не попыталась смягчить слово.

— Но вы были на него злы.

— Да.

— За что?

— За то, что он восемнадцать лет молчал, а потом решил, будто право рассказать правду тоже принадлежит ему одному.

— Какая правда?

— Если бы я знала весь объём, вам было бы проще. Я знала, что речь идёт о старом заводском деле, о материалах, которые не вошли в официальную версию, и о деньгах Фонда. Остальное отец собирался сообщить утром.

— Вы видели пакет документов?

Наталья чуть заметно напряглась, хотя голос остался прежним.

— Часть рабочих проектов. Не весь пакет.

— Откуда?

— Я руковожу исследовательским бюро товарищества и участвую в подготовке передачи управления. Через меня проходит достаточно бумаг, чтобы не считать каждый лист семейной тайной.

— Но какие-то листы вы всё же считали тайной?

Наталья подняла брови, словно предлагая отделить вопрос от предположения.

— Это вопрос или предположение?

— Пока вопрос.

— Тогда ответ: да. В нашей семье тайной считали слишком многое.

Лебедев не вмешивался, но Николай видел, как его карандаш двинулся по полю протокола.

— Утром ваш отец собирался передать часть пакета акций Фонду Варвары, — продолжил Николай. — После его смерти до подписания акции переходят иначе.

— Ко мне, — сказала Наталья. — Можете не обходить слово «наследство».

— Насколько большая разница?

— Достаточная, чтобы в газете написать «миллионы» и не соврать. Недостаточная, чтобы из-за неё убить отца.

— Эти две величины не всегда связаны.

— Для меня связаны.

Наталья не отвела взгляда.

— Где вы находились с девяти двадцати до десяти вечера?

— В салонах. Переходила между гостиной и комнатой Фонда; за каждую минуту не поручусь.

— Около двадцати одного тридцати семи?

— Кажется, в малой гостиной. Кто именно меня видел, не знаю.

— Служебным выходом пользовались?

Наталья опустила взгляд на руки — всего на секунду.

— Вчера? Нет.

Ответ записали таким, каким он прозвучал; проверять его предстояло отдельно.

— Что вы можете сказать о фигуре в галерее? — спросил Николай.

— С моего места я видела её хуже многих. Белое платье, тёмные волосы, силуэт. Лица почти не видела.

— Похожа на вашу тётю?

— На фотографию тёти Варвары — да. На живого человека, которого я помню, — не знаю. Мне было четырнадцать, когда она погибла.

— Как инженер-оптик вы могли понять, что это проекция?

— Могла предположить. Но я была гостем на семейном вечере, а не экспертом у стенда. Освещение было устроено так, чтобы люди смотрели туда, куда нужно. Если хотите техническое заключение, сначала покажите мне аппаратуру.

— Аппаратуру мы ещё не нашли.

— Тогда у вас пока нет технического вопроса.

Наталья ответила без насмешки; в голосе впервые прозвучало профессиональное раздражение.

— С Зарецкой вы знакомы?

— Видела её раньше. На вчерашний вечер не приглашала.

— Дядя?

— Спросите его.

— Уже спросили.

— Тогда он, вероятно, объяснил, что решения принимал Фонд целиком.

Николай коротко улыбнулся.

— Почти дословно.

— Значит, вы уже начинаете понимать нашу семью.

После её ухода Николай дописал под фамилией: «21:37 — точного объяснения нет; служебный выход отрицает». Ставить рядом слова «ложь» или «алиби» было пока рано.

— Наследство, старые бумаги, инженерная компетенция, — перечислил Лебедев. — Удобный набор.

— И слишком удобный, чтобы выбирать из него один пункт.

— Именно.

Карпов задерживался, и Николай вышел в прохладный коридор. У опечатанной двери библиотеки он остановился: сургуч на ленте оставался цел, а за дверью начиналась галерея, вокруг которой ночью вращалось всё расследование.

Ниже звякнула посуда, по лестнице прошёл лакей с подносом. Николай не касался пломбы; просто постоял несколько секунд, пока Натальины точные ответы не перестали звучать готовыми выводами.

Когда Николай вернулся, Лебедев уже разлил свежий чай. Первый глоток он сделал как раз тогда, когда в коридоре раздался спор Карпова с городовым.

Карпов вошёл не сразу: сначала в коридоре послышался его короткий спор с городовым, затем дверь открылась, и мастер остановился у порога в плотном рабочем пиджаке, без пальто.

— Прямо из мастерской? — спросил Николай.

— Да. Пальто оставил внизу — с него течёт.

Лебедев молча указал на стул и дождался, пока мастер сядет.

— Виктор Петрович, это официальный допрос свидетеля. Отвечайте на вопросы точно. Если чего-то не знаете — так и говорите.

— Хорошо.

Он сел, положив широкие ладони на колени.

— Вчера с восемнадцати сорока двух до восемнадцати пятидесяти вы работали в служебной зоне рядом с галереей?

— Да. Проверял датчик верхней фрамуги по вызову технической прислуги. В галерею не входил.

— До задней части кресла оттуда добраться могли?

Карпов поднял настороженный взгляд.

— До части привода — если снять сервисную крышку и просунуть руку через технологический промежуток. Лекарственный замок оттуда не открыть.

— Нештатно кассету вынуть можно?

— Сломать можно что угодно. Но останутся следы: металл, винты, лак.

— Мы проверим.

— Проверяйте.

— Сервисный цикл между семнадцатью сорока и семнадцатью сорока пятью запускали вы?

— Нет.

— Когда последний раз запускали кресло в сервисном режиме?

— В декабре, после замены клапана. Есть запись.

— А вчера до вечера?

— Нет.

— Кто, кроме вас, знает порядок запуска?

— Любой мастер, который обслуживал эту модель. Врач, если его обучили работе с ней. Сам хозяин мог знать часть операций. Это не секретный шифр.

— Князь Сергей Сергеевич?

На этот раз Карпов посмотрел на Николая чуть внимательнее.

— А при чём здесь князь Сергей Сергеевич?

— Он инженер-механик.

— Был инженером. Давно.

— Значит, вы знали?

— На заводе все знали, кто из правления что понимает. Его с рабочими чертежами не испугаешь.

— Он мог обслужить это кресло?

— Я не знаю, что он делал последние двадцать лет. Понять схему — мог бы. Открыть медицинский отсек без ключа и ничего не оставить — нет.

Николай занёс ответ в книжку. О механике Карпов говорил точно и без лишних слов; стоило разговору уйти от металла и винтов, как ответы становились ещё короче.

— Ваш отец работал на одном из заводов товарищества? Карпов замер; пальцы на коленях медленно сжались.

— Работал.

— Погиб в аварии две тысячи седьмого года?

— Да.

— Один из одиннадцати?

— Один из одиннадцати человек, — поправил Карпов. — Не «единиц потерь», не «персонала смены». Людей.

На несколько секунд в кабинете стало так тихо, что стрекот стенографического аппарата показался особенно громким.

— Вы считаете Александра Сергеевича виновным? — спросил Николай.

— Я считаю, что начальство знало больше, чем написало потом в бумагах.

— Откуда?

— Потому что мой отец говорил о регуляторах дома за неделю до аварии.

— Это всё?

Карпов посмотрел на него жёстко, уже без прежней технической отстранённости.

— Для сына — не всё. Для протокола, наверное, мало.

— Вы сами искали документы об аварии?

— Искал то, что мог найти законно.

— А незаконно?

— Нет.

На этом коротком «нет» он словно поставил точку.

Николай отложил эту тему. Для первого разговора было достаточно отметить, на каких вопросах Карпов переставал отвечать охотно.

— После девяти?

— Вернулся в мастерскую при заводском корпусе. Оттуда меня вызвали уже после полуночи.

— Даму видели?

— Нет. Услышал о ней уже от Дорохова.

— В призрака Варвары верите?

— В призраков не верю. В свет, стекло и людей, которым выгодно чужое суеверие, — вполне.

— Кому выгодно?

Карпов слегка прищурился.

— Это вы выясняете.

Когда он ушёл, Лебедев закрыл папку не сразу.

— Отец среди погибших — возможный мотив, — сказал он.

— И техническая возможность доступа.

— И отдельная тайна, если искал документы не только законно.

— Пока у нас только слишком короткий ответ.

— Иногда этого хватает, чтобы понять, что проверять

дальше.

— Копать — да. Писать «солгал» — рано.

Лебедев одобрительно постучал карандашом по столу.

— Учитесь.

— У вас.

— Не льстите. Плохо получается.

Письмоводитель снял очередной лист стенограммы. Николай отодвинулся от стола и размял затёкшие пальцы; после Карпова в кабинете остались запах мокрой шерсти и слабый след машинного масла.

Николай вышел в коридор, чтобы дать письмоводителю спокойно сменить листы. У лестницы как раз менялись дежурившие городовые; один, совсем молодой, отступил к стене и вытянулся, освобождая проход.

— Не стойте по стойке смирно, — сказал Николай. — Лучше скажите: из библиотеки после опечатывания кто-нибудь выходил?

— Никак нет, ваше благородие. Только лакей дважды проходил мимо с подносом. К двери не подходил.

— Вот это и запомните. А стойку оставьте для начальства пострашнее.

Городовой едва заметно улыбнулся. Николай прошёл до окна в конце коридора и на несколько секунд остановился. По Галерной пропыхтел уборочный паромобиль; город жил обычным субботним утром, пока здесь по очереди открывались чужие причины для молчания. Затёкшая шея отзывалась

лась тупой болью, но после короткого движения мысли хотя бы перестали вязнуть в одном и том же кабинете.

— Следующая будет говорить дольше, — заметил Лебедев, просматривая новую папку.

— Это я уже понял по вчерашнему вечеру, — ответил Николай и вернулся к столу.

Ирина Николаевна Зарецкая заставила ждать себя две минуты, хотя находилась в соседней комнате. Она вошла в светло-сером дорожном костюме, с маленькой вуалью, которая ничего не скрывала, но как будто подчёркивала: даже перед полицией Зарецкая оставалась женщиной сцены.

Быстро оглядев кабинет, она заметила:

— У вас удивительный дар превращать красивые дома в присутственные места.

— Профессия, — ответил Николай. — Присаживайтесь, Ирина Николаевна.

— Надеюсь, вы не станете спрашивать, вызывала ли я дух княжны Варвары. Такие вопросы плохо уживаются с протоколом.

— Тогда начнём проще. Кто вас пригласил?

— Фонд. Секретарь связался с моим помощником.

— До этого вы обсуждали выступление с князем Сергеем?

— Настроение вечера обсуждали несколько человек.

— Где и когда?

— В городе, в январе. Точнее не помню.

— Сергей утверждает, что особой связи с вами нет.

Зарецкая улыбнулась.

— Какое осторожное выражение. Князь Сергей вообще осторожный человек.

— Значит, связь есть?

— Значит, слово «связь» удобно для протокола и неудобно для нормальной жизни.

Николай отметил: как и Сергей, она отвечала прежде всего на ту формулировку, которую выбирала сама.

— Хорошо, — сказал Николай. — Вы получали от Сергея Сергеевича деньги лично?

— Нет.

— Через посредника?

— За выступления мне платят. Иногда через распорядителей, иногда через агентство, иногда через благотворительные комитеты. Я не веду бухгалтерию в голове.

— Вчерашняя фигура в галерее была частью вашего сеанса?

Зарецкая откинулась на спинку стула и на несколько секунд замолчала.

— Вы хотите, чтобы я признала сценический трюк раньше, чем вы доказали, что трюк вообще был?

— Я хочу понять, чем именно управляли вы.

— Светом, порядком сеанса, вниманием гостей — да. Тем, что каждый из них решил увидеть, — нет.

Письмоводитель впервые за разговор поднял голову от аппарата.

— То есть не всё происходившее в галерее вы считаете своей работой? — спросил Лебедев.

— Я могу выбрать, куда люди будут смотреть и когда в комнате станет темнее. Но не всякое отражение принадлежит мне. Иногда дом добавляет своё.

— Какое именно «своё»?

Зарецкая посмотрела на него почти сочувственно.

— Ваше высокоблагородие, если я скажу «память», вы запишете «суеверие». Если скажу «неучтённый оптический эффект», ваш мастер потребует разобрать стену. Разница будет только в словах.

— Тогда без слов о памяти. Какое оборудование использовали вы и Крестов?

— Леонид занимался обычным светом и подготовкой места. Я вела сеанс.

— Проекционный аппарат, дым, отражающие полотна, экран, скрытый свет?

— Вы перечисляете театральный склад. Устройства, способного создать в галерее человеческую фигуру, у меня не было.

— Где вещи Крестова?

— Спросите его. После смерти князя я ничего не собирала и к аппаратуре не возвращалась.

Лебедев произнёс ровно:

— Так и запишем: устройства для человеческой фигуры, по вашим словам, не было.

— Александр Сергеевич знал, что именно вы будете делать?

— Что будет салонный опыт.

— А о прежней постановке, из-за которой были претензии полиции?

Улыбка Зарецкой исчезла.

— Уголовного дела не было.

— Я спросил не об уголовном деле. Александр собирался утром передать материалы сыску. Вам угрожал? Говорил об этих материалах?

— Нет.

После прежней многословности ответ прозвучал почти протокольно.

Николай сделал пометку и спросил:

— После окончания второй части сеанса вы видели что-нибудь в галерее?

Зарецкая резко взглянула на него.

— После того как я закончила сеанс и велела вернуть обычный свет, я больше ничем в галерее не управляла.

— Но что-то увидели?

— Недостаточно, чтобы давать этому название.

— Вы всегда так осторожны?

— После этой ночи — да.

Лебедев спросил:

— И всё же?

— Я заметила достаточно, чтобы знать: это была не моя

работа.

Николай не стал спорить. Проверять эту формулировку предстояло по технике и независимым показаниям.

После Зарецкой кабинет пришлось проветрить: терпкий запах её духов остался в тёплом воздухе. Николай приоткрыл фрамугу и задержался у окна. Мороз сразу вытеснил духи; вместе с холодом в комнату вошли далёкий звон трамвая, скрип полозьев у соседней парадной и ровный городской гул. Её фраза о том, что не всякое отражение принадлежит ей, неприятно зацепилась за ночное запоздалое движение в стекле. Николая это раздражало прежде всего профессионально: свидетель не должен был подсказывать ему, как помнить собственное наблюдение. Он несколько раз медленно вдохнул холодный воздух, пока чужая интонация не отделилась в памяти от того, что видел он сам, и только тогда вернулся к столу.

Лебедев закрыл папку Зарецкой и посмотрел на часы.

— Остался Левин.

Николай отпил уже холодный чай и поставил чашку рядом с книжкой.

— С врачом спешить не будем, — сказал Лебедев.

Матвей Борисович Левин вошёл последним, когда в комнате снова стало прохладнее. На нём был тот же костюм, что ночью, только галстук он успел перевязать аккуратнее. Красные глаза выдавали бессонную ночь, а кожа на руках была сухой от частого мытья и антисептиков.

— Доброе утро, господа.

— Для кого как, — сказал Лебедев. — Присаживайтесь, Матвей Борисович.

— Полагаю, сначала вы спросите о кресле.

— И о князе Александре Сергеевиче.

— Это связанные вещи.

Левин сел и сложил руки на столе. Светская мягкость исчезла: теперь он отвечал не как старый знакомый семьи, а как врач на консультации.

— Начнём с истории болезни. Что беспокоило Александра Сергеевича?

— Хроническая невралгическая боль плечевого пояса, мышечные спазмы после переутомления и холода. Сердце и сосуды мы контролировали; диагноза, который сам по себе объяснял бы вчерашний коллапс, я не ставил.

— Но ночью предположили сердечное событие.

— Как первую разумную версию после внезапной потери сознания и остановки кровообращения. Не как заключение.

— Что вводило кресло?

Левин назвал штатный препарат и кратко объяснил назначение. Николай записал название: содержимое изъятой кассеты ещё предстояло установить в лаборатории.

— Когда вы в последний раз проверяли кресло?

— Вчера днём. Прибыл около половины четвёртого, уехал вскоре после четырёх. Проверил Александра, маркировку кассеты, модуль и инъекционную головку. Кассету не менял.

— Сервисный цикл?

— Не запускал.

— На регистраторе есть цикл между семнадцатью сорока и семнадцатью сорока пятью.

— Значит, кресло проверяли после моего ухода.

— Кто мог?

— Карпов, другой мастер, обученный врач, сам Александр — хотя обычно он техническую проверку не проводил.

— Вы знакомы с моделью.

— Разумеется. Но этого цикла я не запускал.

Лебедев подался чуть вперёд, не отрывая от врача взгляда.

— Кассета могла оказаться в кресле недавно по обычной причине?

— Конечно. Срок, изменение назначения, повреждение упаковки, сомнение в герметичности. Такая замена должна быть в медицинской карте.

— Свежая кромка пломбы?

— Может означать недавнюю установку, а может — протирку или проверку. По виду герметика дату не определяют.

— Что могло дать неверную подачу?

— Неправильная установка, нарушение герметичности, сбой давления, загрязнение сопла, износ клапана. После серьёзного вмешательства разумный специалист прогонит сервисный цикл, но сам цикл не означает, что пациенту вводили лекарство.

Николай записал перечисление рядом с ночными объяс-

нениями Карпова и перешёл к маршруту.

— Во сколько вы вернулись на вечер? — спросил Лебедев.

— Около семи десяти.

— После дневного визита до этого времени здесь не были?

— Нет. Я заехал в лечебницу, затем домой.

— Кто подтвердит?

— В лечебнице — сотрудники, дома — прислуга. В лечебницу приехал около половины пятого; точного времени отъезда не помню.

Николай поднял взгляд.

— Вечером критические минуты вы помните лучше.

— Потому что после смерти Александра меня уже спрашивали по минутам. Днём причины следить за часами не было.

Николай записал маршрут без комментария: его всё равно предстояло проверять независимо.

— О Варваре Сергеевне. Вы были врачом семьи и в две тысячи восьмом?

— Да. Лечил и её.

— Были близки?

Левин провёл пальцами по переносице.

— Она мне доверяла и говорила откровеннее, чем многим знакомым семьи.

— После её смерти вы участвовали в медицинских документах. Изменяли записи?

Взгляд врача стал холоднее.

— Когда у вас будут документы, спрашивайте по ним. Обсуждать по памяти медицинскую запись восемнадцатилетней давности при включённом стенографическом аппарате я не стану. Это профессиональная аккуратность.

Левин говорил мягко, но на сам вопрос так и не ответил.

— Александр Сергеевич говорил вам вчера о том, что собирается раскрыть? — спросил Николай.

— Говорил, что утром намерен закончить историю, которую семья слишком долго откладывала.

— Вам это было выгодно?

— Мне было всё равно, выгодно ли мне. Он принял решение.

— Вы пытались отговорить?

— Я советовал не принимать необратимых решений после тяжёлой недели и бессонной ночи. То же самое я говорил вам ночью и повторяю сейчас.

— Необратимым вы считали его признание?

— Любое публичное действие такого масштаба необратимо.

Николай закрыл книжку. Из пятерых Левин дал больше всего сведений, однако и его показания ещё предстояло проверять.

— Последний вопрос, — сказал Лебедев. — Вы уверены, что после четырёх часов дня и до официального возвращения около семи десяти в доме Оболенских не были?

— Уверен.

— Тогда сверим ваш путь по времени и свидетелям.

— Разумеется.

Левин поднялся только после того, как письмоводитель закончил строку.

У двери он задержался и спросил:

— Когда Софья Михайловна начнёт вскрытие?

— Уже начала подготовку, — ответил Лебедев. — Если ей понадобятся сведения о назначенном препарате, запросим их официально.

— Оно есть в карте Александра и в лечебнице. Я подготавливаю заверенную копию.

— Не готовьте ничего самостоятельно, — сказал Лебедев.

— Получите письменный запрос и передайте через канцелярию.

Левин коротко кивнул и больше ничего не спросил.

— Как скажете.

После ухода Левина кабинет впервые за утро опустел. Письмоводитель остановил аппарат, снял ленту и отошёл к боковому столику приводить её в порядок. Николай не сразу потянулся к книжке. От ровного врачебного голоса осталось раздражающее ощущение, будто каждый ответ был заранее уложен в чистую коробку и подписан. Он тут же одёрнул себя: гладкая речь не доказательство, как и неприязнь к ней. Гораздо честнее было признать другое — после пяти разговоров недосып уже делал некоторые интонации подозрительнее, чем они, возможно, были. Николай провёл ладонью по

лицу, заставляя себя вернуться к фактам. Лебедев тем временем подписал последний лист протокола и медленно отложил ручку.

— Пять, — сказал он.

Николай потянул к себе третью за утро чашку, раскрыл книжку на чистом развороте и провёл посредине вертикальную черту.

— Мотивов на сегодня хватит, — сказал Лебедев. — Что из этого действительно проверяем?

Николай быстро перечислил: у Сергея — приглашение Зарецкой и время между шестью и семью; у Натальи — 21:37 и служебный выход; у Карпова — вызов на датчик и доступ к заднему узлу; у Зарецкой — договор, оплата, Крестов и оборудование; у Левина — дневной маршрут, медицинская карта и обслуживание кресла.

— Старые записи Варвары?

— Когда увидим документы. Его отказ говорить по памяти ничего не доказывает.

Лебедев кивнул.

— Пять человек — пять причин недоговаривать.

— Но причина солгать не равна причине убить.

— Пока нет.

Николай перелистнул назад к ночным записям: засов, сервисный цикл, ключи, свежая кромка пломбы. После пяти разговоров у каждого факта появилось больше человеческих объяснений, чем было утром.

Часы на стене показывали без нескольких минут двенадцать, когда телефон на боковом столике зазвонил резко и неуместно. Письмоводитель потянулся к трубке, но Лебедев остановил его жестом и ответил сам.

— Лебедев слушает.

Лебедев выслушал несколько фраз и протянул трубку Николаю.

— Карева.

— Вересов.

— Николай Арсеньевич, приезжайте в институт. И лучше вместе с Семёном Петровичем.

— Что нашли?

— Пока не «нашли». Увидели то, что нужно проверить до любых выводов.

Николай взглянул на Лебедева: Карева явно собиралась сказать по телефону только необходимое.

— Что именно?

В трубке на секунду стало тихо, затем Карева ответила:

— На плече есть след терапевтической струйной инъекции. Он соответствует зоне, которую мы обсуждали ночью. Но, судя по тому, что я вижу сейчас, смерть князя Оболенского не похожа на обычный внезапный сердечный приступ.

— Причина?

— В морге, Николай Арсеньевич. Я не стану ставить диагноз по телефону и до вскрытия.

— Мы выезжаем.

— Хорошо. И возьмите протокол изъятия кассеты.

Связь оборвалась, и Николай положил трубку на рычаг.

— Не похоже на обычный приступ. Есть след струйной инъекции. Нужен протокол кассеты.

Лебедев взял папку с ночными материалами.

— Значит, причины солгать у нас никуда не делись.

— А с причиной смерти всё только начинается.

За окном стояло ясное морозное утро. Ночью дом казался местом невозможной смерти; к полудню Николай знал только одно: каждый здесь отдавал следствию ровно столько правды, сколько считал безопасным.

Пояснения к главе

Письмоводитель — канцелярский служащий, который помогает вести, переписывать и оформлять служебные бумаги и протоколы.

Стенографический аппарат — устройство для быстрой записи речи во время официального допроса; его лента затем используется при оформлении протокола.

Присутственное место — дореволюционное и сохраняющееся в мире книги название государственного или ведомственного учреждения, где ведётся официальная административная работа.

Глава 4

Точка укола

24 января 2026 года, 13:30–16:30

К половине второго судебно-медицинский институт уже жил своим дневным распорядком, которому было безразлично, чья фамилия стояла в сопроводительных бумагах. У служебного входа разгружали ящики с реактивами, из бокового корпуса вывозили бельё в закрытых тележках, а по краям высоких окон лабораторного крыла держались белые морозные узоры.

Николай вышел из служебного автомобиля первым и придержал дверь Лебедеву. От дома Оболенских они ехали меньше получаса, но утренние допросы успели отдалиться, словно происходили накануне. В машине Лебедев почти не говорил: перечитывал протокол изъятия лекарственной кассеты, сверял номера пломб и дважды возвращался к одной и той же строке о рабочем цикле в двадцать два тридцать четыре.

После звонка Каревой они выехали с Галерной не сразу. Письмоводителю требовалось закончить последние листы стенограммы, Лебедеву — оформить передачу материалов в институт, а Николай забрал из ночного дела фотографии кресла, копию схемы Карпова и протокол взятия пробы с инъекционной накладки. Карева назначила половину второго и отдельно просила не приезжать раньше: начатое ис-

следование она не собиралась прерывать даже ради княжеской фамилии.

В вестибюле пахло карболкой, мокрой тканью и чем-то металлическим, что Николай не сумел определить. Дежурный служитель проверил пропуска, записал время в толстый журнал и только после этого поднял внутреннюю решётку.

— Софья Михайловна в секционной, — сказал он. — Просила провести вас прямо туда. Верхнюю одежду оставьте здесь.

Лебедев снял пальто и перчатки, положил кожаную папку под мышку и посмотрел на Николая.

— Пообедать успели?

— Чай был.

— Это не ответ.

— Тогда нет.

— Хорошо. Значит, к концу вскрытия вы будете особенно восприимчивы к научным выводам.

— А вы?

— Я старше и предусмотрительнее. У меня в кармане два сухаря.

Николай невольно улыбнулся. После пяти утренних допросов сухой юмор Лебедева бодрил не хуже крепкого чая.

Их провели по длинному коридору с кафельными стенами. За матовыми дверями слышались голоса, звон стекла, ровный рокот вентиляции. Ни один звук не напоминал больницу: здесь никто не ждал выздоровления, и от этого вся де-

ловитость места казалась почти суровой.

В предсекционной их встретила Карева. Белый халат был застёгнут до горла, волосы убраны под плотный колпак; на переносице осталась красная полоска от защитных очков. В руках она держала лист с несколькими колонками цифр и даже приветствие произнесла, не выпуская его из пальцев.

— Семён Петрович. Николай Арсеньевич. Хорошо, что взяли протокол кассеты.

— Вы сказали, что смерть не похожа на обычный приступ,
— напомнил Николай.

— Сказала. И ещё сказала, что по телефону заключений не даю.

— Поэтому мы здесь.

— Тогда сразу договоримся о словах. Я покажу вам то, что вижу. Предварительный вывод так и назову — предварительным. Если признаки только совместимы, не превращайте совместимость в причину. И не просите назвать минуту смерти по стрелке часов в гостинной.

Лебедев кивнул, принимая её условия.

— Нас устраивает именно такой порядок.

— Вас — да. — Карева посмотрела на Николая. — Он обычно задаёт следующий вопрос раньше, чем я заканчиваю предыдущий.

— Сегодня постараюсь хотя бы делать вид, что исправился.

— Не тратьте силы. Пойдёмте.

В секционной было светлее, чем Николай ожидал. Под потолком горели длинные матовые лампы, на металлических поверхностях не оставалось лишних предметов. У дальней стены стояла камера для серийной рентгеновской съёмки, рядом — тяжёлый оптический прибор на направляющих и два механических самописца с неподвижными стрелками.

Тело Александра Оболенского лежало под простынёй. Лицо было открыто, и впервые с ночи Николай увидел покойного без стекла, полутьмы и десятка людей за спиной. Смерть лишила его не достоинства, а напряжения: исчезло то внутреннее усилие, которое даже на последних фотографиях вечера держало подбородок чуть выше, чем требовала поза.

У левого плеча Карева остановилась и только тогда откинула край простыни.

— Начнём с того, ради чего я вас вызвала. След, который ночью можно было принять за обычное покраснение, после обработки и осмотра под увеличением проявился отчётливо.

Она включила боковую лампу и показала небольшой участок кожи. Николай не стал наклоняться ближе, пока Карева сама не подвинула к нему увеличительную линзу на шарнирной стойке.

— Здесь нет прокола иглой и не должно быть. Струйный иньектор оставляет характерную зону воздействия. По размеру, форме и месту она совпадает с рабочей зоной кресла — я говорю «совпадает», а не «доказано».

Николай достал ночной снимок. Карева совместила масштаб с отметиной на коже.

— Геометрия согласуется. Бурый след с накладки предвзительно имеет биологическую природу и не противоречит контакту с кожей; химическое сравнение будет отдельно.

Лебедев сверился с регистратором.

— Рабочий цикл в двадцать два тридцать четыре и след на плече, вероятно, относятся к одной процедуре?

— Такая формулировка годится. Но состав введённого вещества — отдельный вопрос.

Карева сняла перчатки, выбросила их в закрытый бак и надела новые. Лишь после этого подошла к отдельному столу, где лежала карта исследования.

— Теперь о причине смерти. В сердце есть возрастные изменения, но картины, которая сама по себе объясняла бы внезапную смерть, я пока не вижу. Есть последствия реанимационных действий. По реанимационной записи и обстоятельствам есть основания предполагать острое нарушение ритма перед остановкой кровообращения, однако само по себе это не указывает на причину.

— Вы можете сказать, что его убил яд? — спросил Николай.

— Нет. Первичный скрининг выявил посторонний алкалоид с выраженным кардиотоксическим действием, которого в назначенном препарате быть не должно. Это не точная идентификация вещества.

— Насколько надёжен сам факт его присутствия?

— Достаточно, чтобы отправить контрольные пробы и перестать считать обычный сердечный приступ единственной рабочей версией. Недостаточно, чтобы назвать конкретное вещество, источник или путь попадания.

— Через кресло?

— Возможно. Но след на плече связывает тело только с лечебной процедурой. Сначала докажите постороннее вещество в самой системе, потом исключите случайность и лишь затем спрашивайте, кто это сделал.

Николай удержал следующий вопрос.

Карева едва заметно усмехнулась.

— Вот. Уже лучше.

Лебедев тоже едва заметно улыбнулся, но тут же вернулся к протоколу.

— Сколько времени займёт точная химия?

— Несколько суток с контрольными пробами. Если Центральная лаборатория вернёт материал из-за ошибки упаковки, будет дольше; поэтому сейчас важнее правильно оформить передачу, чем выиграть несколько часов.

— А время смерти?

— Только диапазон. Он совместим с известной вам последовательностью. Двадцать два сорок две я не подтверждаю и не опровергну только потому, что вам удобно это время.

Она повернулась к столу и аккуратно закрыла карту.

— Хотите знать, что изменилось для дела уже сейчас?

— Да.

— У вас появился посторонний кардиотоксический алкалоид в теле человека, которому такой препарат не назначали. Всё остальное требует доказательств.

Лебедев вынул из папки чистый бланк и несколько секунд смотрел на него, прежде чем положить поверх протокола.

— Тогда проверка внезапной смерти меняет характер. Я оформлю отдельное постановление: основная версия — возможное умышленное введение постороннего вещества. Слово «возможное» останется до экспертного заключения.

— То есть дело об убийстве? — спросил Николай.

— Дело, в котором убийство становится основной проверяемой версией. Не подменяйте процессуальную формулировку газетной.

Николай несколько секунд молчал. Ночью запертая галерея заставляла искать невозможный вход и столь же невозможный выход. Теперь к двери, засову и окнам добавилась другая цепочка — медицинская, и её ещё предстояло связать с тем, что произошло в комнате.

— Значит, сначала нужно доказать связь постороннего вещества с самой лечебной системой, — сказал Николай.

Карева перевела взгляд на Лебедева.

— Это уже не медицина.

— И правильно, — ответил тот. — Пусть хотя бы часть работы останется нам.

Исследование продолжалось ещё почти сорок минут. Ка-

рева показывала только то, что имело значение для дела, и каждый раз останавливала Николая, когда тот пытался превратить наблюдение в причину. Технических подробностей она не скрывала, но догадок вместо выводов не принимала.

К четверти третьего Николай перестал ждать от Каревой ответа там, где его ещё не было: «не знаю» она произносила так же спокойно, как установленный вывод.

Когда им разрешили выйти, в коридоре показалось неожиданно тепло. Николай долго мыл руки, хотя к телу не прикасался. Холодная вода сбивала запах дезинфекции, но не убирала ощущение, будто все утренние разговоры вдруг выстроились вокруг одной невидимой точки на левом плече.

У высокого окна его уже ждал Лебедев. За стеклом тянулся внутренний двор института; на снегу были протоптаны две дорожки между корпусами, и служитель в сером пальто толкал по одной из них тележку с закрытыми металлическими коробами.

— Сухарь? — предложил Лебедев.

Николай посмотрел на маленький свёрток в его руке и недоверчиво спросил:

— После секционной?

— Именно после секционной. До неё вы бы отказались из приличия, теперь откажетесь из впечатлительности.

— Я не впечатлительный.

— Тогда берите.

Николай всё-таки взял сухарь; тот оказался настолько су-

хим, что пришлось запить водой из стоявшего в коридоре графина.

— Ваше представление о предусмотрительности требует доработки.

— Зато не портится в кармане.

Несколько минут они ели молча. Когда Николай допил воду, прежний вопрос о закрытой двери уже не занимал всё поле внимания: рядом с ним появился другой — хронология доступа к лечебной системе. Ответа пока не было, и Николай сознательно не позволил новой версии стать удобнее старой.

Лебедев допил воду и свернул бумагу от сухарей.

— Только не начинайте составлять список убийц по степени близости к креслу.

— Я ничего не сказал.

— У вас лицо становится служебным.

— Это врождённое.

— Нет. Врождённое у вас другое — желание закончить вопрос раньше доказательства.

Николай хотел возразить, но из лабораторного коридора вышел техник в длинном сером халате и позвал их по фамилии.

— Пробы готовы к распределению. Софья Михайловна просила присутствовать обоим.

Лебедев спрятал остаток сухаря обратно в карман.

— Вот теперь начинается та часть, где одна неверная подпись может стоить нам недели.

Лаборатория судебной химии занимала две смежные комнаты. В первой стояли вытяжные шкафы, оптические приборы и длинный стол с белой поверхностью; во второй — шкафы для контрольных образцов и массивный сейф с двумя замками. На стене висели часы, под ними — доска с номерами текущих экспертиз.

Карева уже ждала их у стола; халат она сменила, волосы по-прежнему были убраны под колпак. На столе лежали закрытые контейнеры, каждый с бумажной биркой и номером.

— Сначала цепочка хранения, потом химия, — сказала она. — Если позже спросят, кто держал эту пробирку между моргом и Центральной лабораторией, ответ должен находиться на бумаге, а не в нашей памяти.

Техник раскрыл журнал, а Лебедев сверил номер дела, дату и время отбора. Карева поочерёдно назвала виды материала, не вдаваясь в ненужные подробности, и для каждого продиктовала номер первичной упаковки.

Часть образцов оставалась в институте как контрольная, часть готовили к отправке в Центральную химико-криминалистическую лабораторию. Ещё один комплект опечатывали как резервный и помещали в холодный шкаф до отдельного распоряжения следователя.

Николай наблюдал за работой техника: проверить номер, закрыть коробку, протянуть ленту, поставить печать, записать время. На каждом пакете появлялась новая подпись; в журнале — ещё одна строка. Здесь доказательство начина-

лось не с догадки, а с того, кто, когда и в каком виде получил материал.

— Контрольную пробу реактивов тоже приложим, — сказала Карева. — Если возникнет версия лабораторного загрязнения, у нас будет проверка, а не спор.

Лебедев поднял взгляд.

— То есть держим все три развилки?

— Ошибка лечения, случайное загрязнение, намеренная подмена.

Николай спросил:

— Какая вероятнее?

— На этот вопрос у меня пока нет права отвечать. Для врача «кажется» — плохое основание.

— Иногда приходится начинать именно с него.

— Начинайте. Только не ставьте мою фамилию под вашей догадкой.

— В постановлении будут все три, без порядка предпочтения, — сказал Лебедев.

Карева усмехнулась.

— Вот поэтому я и люблю судебных следователей: они превращают спор в бумагу.

Техник, до этого сохранявший серьёзность, кашлянул и отвернулся к шкафу.

Следующим на стол положили футляр с лекарственной кассетой, доставленный из камеры хранения института по отдельной расписке. Лебедев сравнил номер наружной по-

лицейской пломбы с ночным протоколом, затем — номер самой кассеты и фабричную маркировку, переписанную у кресла.

— Внутреннюю пломбу не вскрываем здесь, — сказал он. Карева согласилась.

— И правильно. Первичный сигнал мы получили от материала тела. Кассету пусть открывают там, где смогут сразу взять контрольные пробы содержимого и герметика по одному акту. Нам сейчас важнее не потерять исходное состояние.

Николай вспомнил светлую полосу у края пломбы и сероватую пыль на соседнем металле.

— То есть её свежий вид пока остаётся только внешним наблюдением.

— Именно. «Выглядит свежее» — не дата установки, — сказала Карева. — По одному внешнему виду пломбы её возраст не определить.

Николай занёс объяснение Левина в общий технический блок рядом с другими вариантами.

Техник поместил футляр в отдельный жёсткий короб. На крышку легли две ленты: институтская и следственная. Лебедев расписался на обеих, затем передал перо Каревой.

— Доставка сегодня?

— Ведомственным курьером. Центральная лаборатория принимает такие отправления до пяти. Журнал курьера получите в копии.

— Хорошо.

Когда Николай посмотрел на часы, было без четверти три.
— Они успеют что-нибудь сделать сегодня?

— Зарегистрируют, проверят упаковку, возможно, начнут подготовку. А дальше вас снова ждёт неприятное слово «несколько суток».

— Я начинаю его ненавидеть.

— Это потому, что вы работаете с реальностью.

Пока оформляли последний резервный пакет, Николай отошёл к окну. Снег во внутреннем дворе потерял утреннюю белизну; по краям дорожек выступил серый песок, на котором оставались следы колёс тележек. В одном из окон противоположного корпуса мелькнул человек с кипой папок, ниже служитель выгружал из автомобиля ещё один закрытый ящик.

Здесь не было никакой тайны — только номера, пломбы, подписи и ожидание, и после ночной галереи такая материальная определённости почти успокаивала.

— Вересов, — позвал Лебедев.

Николай вернулся к столу, где Лебедев подвинул к нему журнал.

— Распишитесь, что присутствовали при упаковке контрольного комплекта.

— Я не эксперт.

— Поэтому расписываетесь не за состав, а за присутствие.

— И это вы называете превращать спор в бумагу?

— Именно.

Николай подписал строку и вернул перо технику.

Когда последний пакет унесли в приёмную для курьера, Карева сняла колпак и провела ладонью по волосам.

— У нас есть ещё один час до того, как меня снова заберут к работе. Вы хотели проверить процедуру кресла.

— Да, — сказал Николай. — И назначение.

— Назначение уже прислали.

На соседнем столике лежал запечатанный конверт из лечебницы, где работал Левин. На нём стояли время приёма, печать канцелярии и отметка ведомственного курьера. Лебедев ещё утром отправил письменный запрос, и лечебница ответила заверенной копией назначения, не дожидаясь вечера.

— Сам Левин ничего не передавал? — спросил Николай.

— Нет, — сказал Лебедев. — После утреннего разговора я специально велел всё проводить через канцелярию. Он предложил копию, мы запросили её официально. Так чище.

Он проверил печать и вскрыл конверт.

Внутри лежали заверенная выписка из медицинской карты Александра, лист назначения и карточка обслуживания кресла. Николай узнал название препарата, которое Левин произнёс на допросе. Дозировку и режим он разбирать не стал; Карева быстро просмотрела врачебные сокращения и подтвердила, что назначение относится к хронической боли плечевого пояса, о которой они уже знали.

Карева прочла лист внимательно, потом второй раз про-

смотрела строку с препаратом.

— Назначенный состав не объясняет наш первичный химический сигнал. Кардиотоксического алкалоида в нём нет; точную группу вещества мы ещё не установили.

— Загрязнение, перепутанная кассета, намеренная подмена?

— Всё это проверяется. И ни одно из трёх пока не становится фактом. Особенно не записывайте «подменили содержимое», пока мы не знаем, что вообще произошло с кассетой.

Лебедев тем временем положил рядом фотографии кресла.

— Давайте вернёмся к тому, что можно сопоставить уже сейчас.

На первом снимке было только кресло: накладка, рукоять, боковая крышка. На втором крупным планом сняли инъекционную головку, на третьем — бурый след до взятия пробы. Отдельно лежала схема Карпова с положением плеча пациента при рабочем цикле.

Карева принесла кальку с контуром отметины на теле и наложила её на масштабную фотографию головки.

— Размеры и направление согласуются с обычной посадкой Александра. По словам слуг и Левина, он пользовался креслом годами, но это вывод из совокупности, не прямое наблюдение.

Лебедев указал на бурое пятно.

— Проба с накладки?

— Биологический след находится в рабочей зоне головки. Вместе с отметиной на коже он связывает процедуру с последними минутами жизни, но пока не связывает кресло с посторонним алкалоидом напрямую.

— Потому что кассету ещё не исследовали, — сказал Николай.

— Именно.

— А рабочий цикл двадцать два тридцать четыре?

— Подтверждает, что кресло прошло обычную последовательность. Регистратор не анализирует химию. Он не знает, что было в кассете.

Лебедев собрал фотографии в одну линию: плечо, головка, кассета, лист регистратора.

— Получается неприятная вещь, — сказал он. — Мы всю ночь задавали вопрос, кто мог войти к Александру Сергеевичу после того, как он заперся.

Николай посмотрел на разложенные в ряд материалы и продолжил мысль Лебедева:

— А теперь этот вопрос может оказаться второстепенным.

— Не второстепенным. Просто не единственным. Засов доказывает, что дверь была закрыта изнутри в критический период. Он не доказывает, что всё опасное появилось в галерее после закрытия двери.

Карева, сложив руки на груди, заметила:

— Наконец-то вы обсуждаете то, что не требует от меня

назвать минуту смерти.

Лебедев не отвлёкся от разложенных перед ним материалов.

— Если вредное вещество находилось в лекарственной системе заранее, тому, кто его туда поместил, не нужно было входить в галерею во время процедуры. По имеющимся показаниям, Александр Сергеевич сам запустил механизм.

Николай вспомнил ночную запись: «по словам слуг, процедуру начинал сам». Ночью эта привычка делала смерть ещё страннее; теперь она могла стать частью способа.

— Значит, надо перестать строить расследование только вокруг двадцати двух сорока, — сказал Николай.

— Да. Нас интересуют все более ранние окна доступа, — ответил Лебедев. — Засов остаётся фактом, но он ничего не говорит о том, что могли подготовить до закрытия двери.

Карева добавила:

— И не вычёркивайте случайность только потому, что намеренная подмена выглядит стройнее.

Лебедев подвёл черту:

— Ошибка лечения, загрязнение, намеренная подмена. В каждой версии проверяем доступ.

— Согласен, — сказал Николай.

— Запишите, — сказала Карева. — Иногда полезно видеть, как сыщик сдаётся фактам.

— Я не сдаюсь. Я временно отступаю на подготовленную позицию.

— Это уже формулировка Семёна Петровича.

Лебедев поднял бровь и сухо сказал:

— Не втягивайте меня в ваши отношения с русским языком.

На этот раз рассмеялись все трое, и напряжение, накопившееся в лаборатории, немного отпустило.

Через несколько минут в дверь постучал техник и принёс копию регистрационной квитанции Центральной лаборатории: курьер принял пакеты и лекарственную кассету, время передачи отмечено, наружные пломбы целы.

Лебедев внимательно прочёл строку и убрал лист в папку.

— Вот теперь это звено цепочки зафиксировано.

— До следующего звена она не закрыта, а только зафиксирована, — поправила Карева. — Если с коробом что-нибудь случится по дороге, вам понадобится новый акт.

— Вы сегодня особенно оптимистичны.

— Я с утра работаю с покойниками. Они редко дают основания для оптимизма.

Часы в лаборатории показывали десять минут четвёртого.

Николай подошёл к столу у окна, раскрыл записную книжку и провёл посредине страницы вертикальную черту. В колонке «Факт» появились три строки.

«Установлено: на левом плече — след струйной терапевтической инъекции, совместимый с процедурой в кресле».

Следом появилась вторая запись:

«Предварительно установлено: в биоматериале выявлен

посторонний кардиотоксический алкалоид; точная группа не определена».

Третья была ещё короче:

«Назначенное лечение такого вещества не содержит».

В колонке «Толкование» он сначала написал «отравленная кассета», посмотрел на слова и зачеркнул их одной линией. Рядом вывел: «ошибка лечения / загрязнение / намеренная подмена — проверять».

Лебедев заметил, как Николай провёл черту по свежей записи.

— Что зачеркнули?

— Версию, которая слишком быстро захотела стать фактом.

— Оставьте зачёркнутое. Полезно помнить, куда мысли бегут впереди доказательств.

Николай оставил зачёркнутое на месте.

Собирая свои бумаги, Карева добавила:

— Ещё одно. Не сообщайте семье, что мы уже нашли конкретный яд.

— Мы его и не нашли, — сказал Лебедев.

— Именно. Но к вечеру фраза «посторонний алкалоид» легко превратится в «князя отравили редким ядом», а к ночи газеты назовут вещество, которого мы вообще не исследовали.

— Семье сообщим только об изменении характера проверки, — решил Лебедев. — Без химической конкретики до

заклучения.

— И Левину? — спросил Николай.

— Он свидетель и лечащий врач. Получит только те вопросы, которые относятся к его назначению и обслуживанию. Не результаты контрольной лаборатории до необходимости.

Николай закрыл книжку.

— Сегодня вечером у нас две линии, — сказал он. — Кто и что видел во время сеанса и кто мог получить доступ к лечебной системе раньше.

Лебедев покачал головой.

— Нет. Сегодня вечером у нас гости и сам сеанс. Не смешивайте линии: сначала разберём коллективное свидетельство, а доступ к лекарственной системе будем проверять параллельно.

— Вы умеете портить хорошее ощущение продвижения.

— Это моя служебная обязанность.

Они вышли из лаборатории около четырёх. В институтском коридоре стало люднее: мимо прошли два студента-медика с папками, служитель вёз стеклянные цилиндры в деревянном ящике, из пневматической станции у лестницы с глухим ударом пришла очередная капсула. Здесь всё оставляло след — запись, квитанцию, номер пломбы, подпись.

У гардероба Николай задержался, натягивая перчатки. За дверью уже синел ранний зимний сумрак, хотя до вечера оставалось ещё несколько часов.

— Семён Петрович.

— Да?

— Значит, по лечебной системе нам нужен полный ряд доступов за день, а не только последние минуты перед смертью.

Лебедев застегнул пальто и посмотрел на него поверх шарфа.

— Засов остаётся фактом, — ответил Лебедев. — Он отсекает вмешательство после того, как Александр Сергеевич вошёл в галерею, но ничего не говорит о том, что могли сделать раньше.

— Отдельно от линии свидетелей?

— Параллельно, — сказал Лебедев. — И не забываем: намеренная подмена пока лишь одна из трёх рабочих версий.

Николай кивнул, ещё раз мысленно перестраивая хронологию.

— Тогда сначала часы доступа, а не только минуты перед смертью.

— Если версия намеренной подмены подтвердится, именно это и будем доказывать. Пока — только проверяем.

Лебедев произнёс это спокойно, без нажима.

Когда они вышли на мороз, служебный автомобиль уже ждал у поребрика; шофёр увидел их и завёл двигатель, выпустив к стене института густое облако пара.

Николай уже взялся за дверцу, когда из института выбежал тот самый техник.

— Семён Петрович! Софья Михайловна просила передать дополнение.

Лебедев принял у него узкую бумажную ленту с подписью Каревой. Текст занимал несколько строк: первичная сверка с назначением завершена; выявленный алкалоид в назначенную Александру Сергеевичу лекарственную схему не входит. Точная идентификация вещества и вывод о его происхождении — после контрольной экспертизы.

Николай перечитал ленту через плечо Лебедева.

— Теперь это уже не только её устное мнение.

— Теперь это зафиксированный предварительный результат, — поправил Лебедев. — Не больше.

Он сложил бумагу и убрал в папку.

— Поехали. До вечера у нас меньше двух часов.

Автомобиль тронулся; шины прошуршали по посыпанному песком снегу. Институт остался позади вместе с секционной, пакетами и ровными рядами печатей. Впереди снова был дом Оболенских, десятки свидетелей и женщина за стеклом, которую каждый видел по-своему.

Николай ещё раз мысленно вернулся к запертой двери. В висках тяжело пульсировало от недосыпа, плечи налились тупой тяжестью после бессонной ночи, допросов и долгих часов в институте, но мысль, вопреки усталости, оставалась ясной. Засов оставался твёрдым фактом, но теперь хронология дела начиналась не с его щелчка.

Пояснения к главе

Кардиотоксический алкалоид — органическое вещество алкалоидного класса, способное нарушать работу сердца; в этой главе точный вид вещества ещё не установлен.

Химический скрининг — предварительное лабораторное исследование, позволяющее обнаружить класс или признак вещества до точной идентификации.

Контрольная проба — отдельно сохранённый образец для повторной или сравнительной проверки результата.

Цепочка хранения — документированная последовательность получения, упаковки, передачи и хранения вещественного материала; нужна, чтобы доказать его неизменность.

Центральная химико-криминалистическая лаборатория — ведомственное экспертное учреждение МВД, где выполняют контрольные химические и микроскопические исследования по уголовным делам.

Пневматическая станция — узел городской или ведомственной пневмопочты, принимающий и отправляющий документы в капсулах по трубопроводам.

Глава 5

Сеанс

24 января 2026 года, 18:00–21:00

К шести вечера мороз не ослаб. Когда служебный автомобиль снова свернул на Галерную, воздух над мостовой казался прозрачнее утреннего, а редкий пар от машин сразу ложился белыми полосами под фонарями. Николай смотрел в окно и с неприятной точностью чувствовал каждую неровность сиденья: за ночь и день тело успело вспомнить, что оно существует отдельно от дела. Голова уже не болела, как после допросов, но за глазами держалось сухое напряжение, а пальцы неохотно разгибались после нескольких часов с карандашом в руке.

Лебедев сидел рядом, положив на колени кожаную папку. Почти всю дорогу от института они молчали. В папке лежала копия предварительного результата Каревой; в голове Николая — засов, кассета, сервисный цикл и пять людей, каждый из которых оставил следствию удобную для себя часть правды. Отдельно, без строки в книжке, держалось ночное мгновение у старой панели: собственное отражение будто завершило движение позже него. Николай по-прежнему не считал это фактом.

У парадной их встретил не Дорохов, а молодой человек в тёмном пальто, воротник которого был припорошен сухой снежной пылью. Он держал под мышкой свёрнутый лист

плотной бумаги и две папки, одна из которых заметно распухла от вкладок.

— Николай Арсеньевич? Семён Петрович?

Лебедев первым узнал его:

— Тарасов. Невзоров всё-таки отпустил вас с Шпалерной?

— Сказал, что если к ночи я не выясню, кто платил за половину вчерашнего праздника, обратно могу не торопиться.

— Это почти выражение доверия, — заметил Николай.

Михаил Ильич Тарасов был моложе Николая на шесть лет и выглядел так, будто в течение дня успел побывать одновременно в канцелярии, у трёх извозчиков и под лестницей. На левом рукаве пальто белела меловая полоса, на тёмных волосах ещё белели несколько крупинки сбитого ветром старого снега, а из верхней папки торчал уголок счёта с красным штампом Фонда.

— Я решил считать именно так, — ответил он. — В доме мне выделили стол у секретаря Фонда. Расходы вечера уже начали раскладывать. Ещё Дорохов говорит, вы велели никого из основных свидетелей не отпускать до повторного опроса.

— Не никого, — сказал Лебедев. — Только тех, чьи показания нужны для проверки вчерашнего сеанса. Остальных вызываем по списку.

Тарасов кивнул и отступил к двери.

В парадной было тише, чем утром. Дом уже не напоминал

место внезапной смерти: цветы с благотворительного вечера убрали, лишние стулья сложили у стены, слуги сменили вечернюю одежду на дневную. Но полицейский порядок нигде не исчез. У библиотеки оставалась пломба, у служебного коридора дежурил городской, а на столике под лестницей лежал журнал входов и выходов, который теперь заполняли с почти болезненной аккуратностью.

Дорохов подошёл из глубины холла.

— Господа, всё приготовлено. Большую гостиную освободили. Свидетелей разместили по разным комнатам, как вы просили. Господин Мельников принёс фотографические материалы вчерашнего вечера. Князь Сергей Сергеевич находится в кабинете. Госпожа Зарецкая — в малой гостиной.

— А Крестов? — спросил Николай.

— Его пока нет. Помощник госпожи Зарецкой утром уехал за вещами, а затем, по словам гостиницы, отправился по делам. Адрес мастерской у нас есть.

Лебедев посмотрел на Тарасова.

— Не сейчас. Сначала закончим с теми, кто здесь. После этого получите отдельное поручение.

— Понял.

Николай снял пальто и только тогда заметил запах еды из служебной части. Желудок отозвался раньше, чем он успел решить, голоден ли.

Дорохов, заметив его взгляд, произнёс с достоинством управляющего, который не собирался позволять полиции

умереть от собственной занятости:

— На столе у секретаря есть холодное мясо, хлеб и чай.
Я распорядился не убирать.

— Чай уже был, — сказал Лебедев.

— Я говорил про мясо.

Николай усмехнулся.

— Андрей Савельевич, вы начинаете понимать следствие лучше некоторых начальников.

— Я шестьдесят один год наблюдаю людей, которые считают себя незаменимыми. Обычно им первым делом нужно поесть.

Он ушёл прежде, чем Николай успел ответить.

В большой гостиной мебель уже стояла не так, как вечером. Часть кресел вернули к стенам, рояль закрыли, ковёр у прохода свернули наполовину. По просьбе Николая слуги принесли ещё двенадцать одинаковых карточек и положили их на стол.

— Вернём всё как было? — спросил Лебедев.

— Не сразу. Сначала пусть каждый нарисует по памяти. Если мы поставим стулья заранее, они начнут вспоминать нашу расстановку.

— Хорошо.

Николай развернул принесённый Тарасовым лист. Это был грубый план музыкальной гостиной, библиотеки и части галереи. Тарасов уже нанёс двери, окна и расположение рояля.

— Откуда размеры?

— У Дорохова есть схема для пожарного надзора. Я срисовал только комнаты. Мебель не трогал.

— Правильно.

Лебедев провёл пальцем по свободному краю листа.

— Каждому отдельный маленький план. Отмечает своё место, направление взгляда и место фигуры. Не показываем предыдущие.

Тарасов уже доставал чистые листы.

— А если рисовать не умеет?

— Нам не портрет нужен, — сказал Николай. — Крестик поставить сумеет.

Первым пригласили Петра Алексеевича Веденина. Казначей Фонда выглядел старше, чем накануне: под глазами легли тени, воротничок сидел не так аккуратно, а в руке вместо портфеля он держал только очки.

Лебедев объяснил, что речь идёт не о новом полном допросе, а о проверке пространственных деталей. Веденин выслушал, надел очки и склонился над пустым планом.

— Где вы сидели во время первой части опыта?

— Сначала стоял у камина. Потом Ольга Дмитриевна пожаловалась, что ей мешает высокий господин впереди, и мы сели ближе к столу попечителей. Примерно здесь.

Он поставил отметку в центральной части гостиной, немного левее прямой линии на галерею.

— Отсюда вы видели женщину?

— Да.

— Целиком?

Веденин задумался.

— В первый раз — почти целиком. Вторая часть... кажется, хуже. Люди уже переместились.

— Лицо?

— Светлое. Молодое. Я бы не сказал, что видел черты так, как вижу ваши. Но мне показалось, что это Варвара.

Николай не поднял глаз от книжки.

— До того, как кто-нибудь произнёс её имя?

Веденин снял очки.

— Не поручусь. Кто-то шепнул «Варвара» почти сразу. Может быть, я уже услышал.

— Голос фигуры слышали?

— Да. Женский. Тихий, но отчётливый.

— Откуда он шёл?

Веденин снова надел очки и неожиданно рассердился на бумагу.

— Вот этого не скажу. Тогда казалось — от стекла. Сейчас, когда вы спрашиваете, понимаю, что мог ошибаться.

— Что именно говорил голос?

— Несколько слов. О памяти. Что-то вроде «не всё забыто». Точно не воспроизведу.

— Если рядом кто-то будет утверждать точную фразу?

— Значит, у него память лучше моей или фантазия.

Это прозвучало почти с облегчением.

Николай попросил его отметить на плане место, где стояла фигура. Веденин поставил крест ближе к правой от него части галереи.

— Уверены?

— Нет. Но если заставляете выбрать — здесь.

— Именно поэтому и заставляем.

Когда Веденин ушёл, Тарасов проставил на листе номер и время. Следующей пригласили Ольгу Дмитриевну Белецкую.

Она вошла с той собранностью, которая отличала людей, привыкших сами задавать пациентам неудобные вопросы. На Николая посмотрела внимательно, на Лебедева — чуть мягче.

— Я уже рассказывала всё утром.

— Теперь не всё, — сказал Николай. — Только то, откуда вы смотрели.

— Полезное изменение.

Белецкая отметила место почти рядом с Ведениным, однако фигуру нарисовала немного левее.

— Я видела лицо лучше, чем Пётр Алексеевич, — сказала она. — Во всяком случае, мне так казалось. Свет падал сбоку. Лоб, щека, волосы.

— Глаза?

Она помолчала.

— Глаза я дорисовала потом.

Тарасов перестал листать бумаги и поднял голову.

Белецкая заметила это.

— Не буквально. Я хочу сказать: сейчас в памяти у женщины есть глаза, но если спросить, видела ли я их тогда, не уверена.

— А голос? — спросил Лебедев.

— Слышала хорошо.

— Откуда?

— Из галереи.

— Из того же места, где стояла фигура?

Белецкая нахмурилась.

— Я не разделяла эти вещи.

— А сейчас?

Она посмотрела на план, потом на открытую дверь в музыкальную гостиную.

— Сейчас сказала бы, что голос был ближе. Или просто шире. Он не звучал как обычная человеческая речь из дальнего конца помещения.

Николай записал формулировку дословно.

— Что вы видели после второй части сеанса, когда обычный свет вернули?

— Людей. Отражения. Затем началась суматоха у двери.

— Женскую фигуру?

— Нет, — ответила Белецкая сразу.

Николай не сразу велел звать следующего. Он поднялся, разжал затёкшие пальцы и занял место, которое Белецкая отметила на плане. Отсюда дверной проём и край портьеры

обрезали галерею иначе, чем от стола Веденина: одна из старых секций уходила из прямого обзора, а свет ложился на стекло под более острым углом. Этого было достаточно, чтобы не торопиться с общей схемой, и слишком мало, чтобы что-либо объяснять.

— Пока не переносим отметки на большой план, — сказал он, возвращаясь к столу. — Следующий рисует на чистом листе.

— И не знает, что уже получилось у остальных, — согласился Лебедев.

Николай провёл большим пальцем по затёкшей ладони. Голоса первых свидетелей уже начинали наслаиваться; несколько шагов по комнате помогли снова развести их.

— Теперь Громов.

Громов вошёл напряжённый, словно снова ожидал вопроса о засове.

— Сегодня дверь не трогаем, Тимофей Никитич, — сказал Николай. — Только сеанс.

Громов заметно расслабился.

Его место оказалось совсем иным. Во время первой фазы он стоял возле библиотеки и видел лишь часть старых панелей через проём.

— Женщину целиком видели?

— Нет, ваше благородие. Плечо, светлое платье. Потом она будто шагнула, и стало больше видно.

— Лицо?

— Нет.

— Голос?

— Слышал.

— Хорошо?

— Да. Хотя я был дальше от тех, кто сидел в гостиной.

Николай отметил это и попросил Громова поставить крест там, где тот видел фигуру. Крест оказался ближе к центральной старой секции, но заметно ниже и левее отметок Веденина и Белецкой.

— Второй раз?

— Тогда я уже больше смотрел на князя Александра Сергеевича. После первого появления он ушёл в галерею, а когда всё началось снова, мне велели быть возле библиотеки. Фигуру видел краем глаза.

— Она стояла там же?

Громов пожал плечами.

— Мне показалось — да.

— На бумаге не исправляйте. Оставьте, как сначала отметили.

После него Николай выслушал ещё троих гостей. Разговоры начали сливаться, и именно поэтому он менял порядок вопросов. Одного сначала просил описать свет, другого — положение собственного кресла, третьего — голос. Никому не позволял начинать с «я видел Варвару».

Пожилой член ревизионной комиссии Фонда, сидевший у самой боковой стены, признался, что фигуру вообще не

видел.

— Я слышал, как ахнули остальные. Слышал голос. Увидел светлое пятно, когда привстал. Но женщину — нет.

— Почему вчера сказали городовому, что Дама появилась?

Он смутился.

— Потому что она появилась. Все же видели.

— Вы — нет.

Пожилой мужчина посмотрел на собственный план и после паузы исправился:

— Я — нет.

Николай не стал давить. Эта короткая поправка стоила больше ещё одной уверенной истории.

К семи часам на столе лежали девять маленьких планов. Лебедев закончил очередную запись и отложил карандаш.

— Перерыв.

— Ещё Мельников, — сказал Николай.

— Мельников никуда не денется. А вы сейчас начнёте задавать фотографу вопросы о еде, потому что сами не ели.

Тарасов спрятал улыбку в папку.

Николай хотел возразить, но Лебедев уже поднялся.

В комнате секретаря на боковом столе действительно ждали хлеб, холодная телятина, сыр и чайник. Николай ел стоя, просматривая планы, пока Тарасов раскладывал счета вечера.

— Вы всегда работаете во время ужина? — спросил Та-

расов.

— Это не ужин.

— Тогда тем более.

— Михаил Ильич, если вы решили меня воспитывать, выбрали плохое время.

— Я не воспитываю. Я уточняю рабочие привычки начальства.

Николай посмотрел на него.

— Я вам не начальство.

— Невзоров сказал: по этому делу поручения Вересова выполнять как его собственные, если Лебедев не возражает.

Лебедев, наливая себе чай, спокойно заметил:

— Я уже начинаю возражать против формулировки.

— Видите? — сказал Николай. — У вас сложная служебная жизнь.

Тарасов улыбнулся и сразу снова стал серьёзным.

— По расходам есть странность. Фонд платил музыкантам, кухне, цветам, части технических услуг. Но отдельные позиции шли не через обычную кассу. Есть подрядчик по «сценическому оформлению и свету», сумма разбита на две части. Вторая проведена через частного посредника.

— Имя?

— Пока только фамилия в расписке, без адреса. Копия плохая. Я запросил оригинал у подрядчика, но сегодня суббота, контора закрыта. Их сторож обещал найти управляющего.

— Не геройствуйте ради бумажки, — сказал Лебедев. — До понедельника банк всё равно не ответит.

— Я и не лезу в банк. Ищу человека, который расписался. Николай проглотил последний кусок и вытер пальцы салфеткой.

— Ищите. Но сначала помогите с планами.

Они вернулись в большую гостиную. Николай разложил девять схем на ковре — не одну рядом с другой, а полукругом по порядку мест свидетелей. Потом взял большую копию плана и стал переносить отметки цветными карандашами.

— Центральные места, — сказал он. — Веденин, Белецкая, ещё двое. Их кресты лежат здесь, в пределах одной зоны.

— С разбросом около метра, — заметил Тарасов.

— Для памяти после такого вечера немного.

— Боковые?

Николай перенёс ещё две отметки.

— Уходят левее. Громов — ещё левее и ниже. А человек у стены не видел фигуру вовсе, пока не привстал.

Лебедев смотрел не на кресты, а на линии между местами свидетелей и галереей.

— Параллакс?

— Возможно. Или просто разная видимость одной точки.

— Но голос слышали все, — сказал Тарасов.

Николай посмотрел на него.

— Вот именно.

Он взял одну из карточек и положил на кресло Веденина,

вторую — на место Белецкой, третью — у боковой стены. Затем сам прошёл по комнате, садясь поочерёдно на каждое место. Из центра старые панели галереи были видны почти фронтально; сбоку линия ломалась книжным шкафом и краем дверного проёма. Там, где сидел пожилой попечитель, часть нужной зоны вообще исчезала за портьерой и декоративной стойкой.

— Если бы в галерее действительно стоял человек, — сказал Николай, не вставая с бокового кресла, — я должен был бы видеть хотя бы часть его при тех отметках, которые дали остальные.

— А он не видел, — сказал Тарасов.

— Он увидел только когда поднялся. И то светлое пятно. Лебедев подошёл к центральному месту.

— Это ещё не доказывает устройство.

— Нет. Но доказывает, что свидетельство «все видели одно и то же» нам больше не годится.

Николай пересел на другое кресло. На несколько секунд прикрыл глаза, затем открыл снова. Усталость неприятно усиливала резкость ламп, и стекло казалось белее, чем днём. Он заставил себя смотреть не на старые панели, а на границы обзора: край шкафа, портьеру, линию дверного проёма.

— Нам нужен предмет, который меняет положение в зависимости от точки наблюдения, но не требует, чтобы голос шёл оттуда же.

— Отражение, — сказал Тарасов.

— Или проекция на поверхность, которую мы пока не нашли. Не выбирайте объяснение раньше предмета.

Тарасов кивнул без обиды.

У двери появился техник криминалистической группы.

— Николай Арсеньевич, Семён Петрович. Можно на минуту?

Его лицо говорило, что минута будет длиннее.

Они прошли в служебный коридор. Там пахло древесной пылью, тканью и старым металлом. После ночного осмотра часть шкафов опечатали, часть только описали. Теперь техник вместе с городовым и Дороховым разбирал содержимое высокого шкафа, в котором до вечера хранились лестницы, запасные шторы и принадлежности для оформления.

На полу лежали два рулона чёрной ткани, деревянная рама, коробка с латунными зажимами и плоский футляр.

— Это нашли за задней стенкой, — сказал техник.

Футляр был слишком длинным для обычного инструмента и слишком тонким для механизма. Его уже сфотографировали на месте. При Дорохове и старшем городовом техник поднял крышку.

Внутри лежала узкая стеклянная пластина в тёмной металлической рамке. Одна сторона казалась обычным стеклом, другая при косом свете давала серебристый отблеск. По краям рамки были маленькие регулировочные винты и следы недавнего касания на чёрном лаке.

Николай не наклонялся слишком близко.

— Что это?

— Пока могу сказать только, что оптический элемент, — ответил техник. — Покрытие полупосеребрённое. Не обычное зеркало. Пластина съёмная, с креплениями под стойку.

— Где стойка?

— Не нашли.

— В шкафу есть место под неё?

— Есть несколько пустых гнёзд. Но они могли быть для чего угодно.

Лебедев посмотрел на Дорохова.

— Этот футляр принадлежит дому?

Управляющий ответил после заметной паузы:

— Я его не узнаю.

— Кто имел доступ к шкафу?

— Во время подготовки вечера — распорядитель, технические слуги, приглашённые оформители. Ключ обычно висит у старшего лакея в служебной комнате. Вчера доступ был свободнее обычного.

— Зарецкая?

— Её помощник пользовался служебной частью. Саму госпожу Зарецкую я здесь видел один раз до начала приёма.

— Сергея Сергеевича?

— Князь мог пройти куда угодно в собственном доме.

Николай провёл взглядом по рамке, не касаясь.

На краю серебристой поверхности темнела маленькая полоска, будто пластину недавно вытирали не до конца. Это

ничего не доказывало, но предмет слишком хорошо отвечал на вопрос, который возник из рисунков свидетелей.

— Изъять отдельно, — сказал Лебедев. — Покрытие, крепёж, следы на рамке. И не пытайтесь собирать систему из догадок.

Техник кивнул.

— Я и не собирался.

— Все так говорят, пока у них в руках не появляется подходящая деталь.

Когда они вернулись в гостиную, Мельников уже ждал у окна рядом с двумя деревянными кассетами. Он оказался худым мужчиной лет тридцати пяти, с тёмной бородкой и пальцами, на которых въелись следы проявителя. В отличие от остальных свидетелей, он выглядел не столько испуганным, сколько раздражённым тем, что его фотографии теперь стали частью чужого дела.

— Сергей Андреевич Мельников, фотограф Фонда, — представился он сам. — Дорохов сказал, вам нужны все пластины, а не только удачные.

— Особенно неудачные, — ответил Николай.

— Тогда вы мой любимый заказчик.

Мельников поставил кассеты на стол.

— Вчера я снимал на двух аппаратах. Большой стоял почти неподвижно у стены, малый носил с собой. Большинство кадров с вечера уже проявлено. Часть — только негативы.

— Сеанс снимали?

— Конечно. Для отчёта Фонда хотели несколько фотографий гостей.

— Даму?

Мельников поморщился.

— Слово красивое. Да, фигуру снимал.

— Получилась?

— Получилась. Не на каждом кадре одинаково, но получилась.

Николай и Лебедев обменялись коротким взглядом.

— Покажите по порядку, — сказал Лебедев.

Мельников достал нумерованный конверт. На первом отпечатке музыкальная гостиная была светлой, гости сидели полукругом, в галерее ничего необычного не происходило. На втором свет уже приглушили; за стеклом проступала белая человеческая фигура. На третьем она казалась резче и выше, почти отделялась от тёмных растений.

— Это химическая фотография? — спросил Николай.

— А какая ещё? Обычная светочувствительная пластина. Никакой ручной дорисовки.

— Экспозиция?

Мельников назвал время и параметры. Николай не запомнил цифры; важнее было другое.

— Значит, то, что видели гости во время основной части, аппарат тоже увидел.

— Да.

— И место фигуры на снимках одинаковое?

Мельников подвинул два отпечатка.

— Почти. Я менял точку съёмки, поэтому относительно рам она сдвигается.

Николай почувствовал, как усталость на мгновение отступила. Не потому, что загадка решилась, а потому, что бумажные кресты свидетелей вдруг получили независимую меру.

— Где вы стояли на этих двух кадрах?

Мельников отметил точки на большом плане. Они отличались на несколько метров.

— А после окончания второй части снимали?

— Да. Один кадр.

— Зачем?

— Привычка. После номера гости расслабились, включили обычный свет. Я хотел снять общий вид, пока никто не разошёлся. Потом ударила ваза, и всё закончилось.

Николай поднял голову.

— Между окончанием номера и ударом вазы?

— Примерно так.

— Сколько минут?

— Не знаю. Меньше пяти. Может, две.

— Фигура была?

— На глаз я ничего не видел.

— А на пластине?

Мельников помедлил и достал отдельный конверт.

— Вот из-за неё я и не хотел приносить только удачные. Отпечаток был серее остальных. Гости на нём уже двига-

лись, несколько голов смазались, в галерее виднелись обычные отражения. Человеческой фигуры не было.

Николай сначала не понял, что именно тревожит фотографа.

— Здесь ничего нет.

— Я тоже так решил. А потом посмотрел на негатив под увеличением.

Мельников вынул пластину и поставил её на световой экран, который техник принёс из соседней комнаты. На старой серебряной панели, ближе к правому краю, линия металлической рамы двоилась. Не по всей высоте и не так, как при обычном движении камеры: рядом с основным тёмным контуром шёл второй, очень слабый, отступавший на несколько миллиметров и исчезающий выше человеческого роста.

— Сдвинули аппарат? — спросил Лебедев.

— Тогда двоилось бы всё. Или хотя бы соседние контрастные линии. Здесь только участок.

— Дефект эмульсии?

— Может быть.

— Конденсат?

— Может быть. Старое стекло, влажность, сложный свет. Я фотограф, не волшебник.

Николай посмотрел на Мельникова.

— Вы видели это до сегодняшнего дня?

— Сегодня утром при проявке. Решил, что испортил пластину. Потом Дорохов сказал, полиция хочет оригиналы.

— Почему не показали сразу утром?

— Потому что у вас и без меня хватало людей, которые видели чудеса. Я не собирался становиться ещё одним.

Ответ Николая устроил больше, чем попытка придать пластине значение.

— В какое именно время сделан кадр?

Мельников раскрыл блокнот.

— Я записываю кассеты по порядку. После возвращения обычного света. Здесь стоит двадцать два сорок две, но мои часы могли расходиться с домашними на минуту-две.

Николай не сказал ничего.

Двадцать два сорок две.

Время, когда за запертой дверью Александр уже находился в галерее.

Ночное впечатление вернулось сразу. Теперь рядом с ним лежал кадр, но один дефект на пластине всё равно не превращал субъективное наблюдение в факт.

Лебедев спросил:

— Постановочная фигура на предыдущих пластинах фиксируется?

— Да.

— На этой человеческой фигуры нет?

— Нет.

— Значит, пока у нас есть обычный технический дефект неясной природы.

Мельников коротко кивнул.

— Именно это я и хотел услышать.

Тарасов стоял чуть в стороне и смотрел на пластину.

— А если покрытие нашли в шкафу...

— Не соединяйте ещё, — сказал Николай.

— Я только подумал.

— Вот и оставьте мысль у себя до проверки.

Тарасов усмехнулся:

— Теперь понимаю, почему Семён Петрович с вами не скучает.

— Я всё слышу, — сказал Лебедев.

Мельников подписал передачу всей серии пластин. В опись внесли точки съёмки и порядок кассет, чтобы поздний кадр оставался частью последовательности, а не выбранным отдельно изображением.

Когда фотограф ушёл, в комнате снова стало тихо.

На большом плане лежали кресты свидетелей. В служебном коридоре упаковывали полупосеребрённую пластину. В отдельном конверте теперь находился негатив, который ничего не показывал — кроме маленькой неправильности старого стекла.

Николай подошёл к окну. За стеклом уже совсем стемнело. Фонари давали снегу разные оттенки; автомобили проходили по Галерной редко, а в морозном воздухе шаги на тротуаре казались ближе, чем были.

Ему хотелось хотя бы на минуту перестать смотреть на отражения.

— Николай Арсеньевич, — позвал Лебедев. — Зарецкая или Сергей?

— Зарецкая.

— Почему?

— Потому что предмет нашли там, где работал её помощник. Если сначала пойдём к Сергею, она успеет понять, о чём спросим.

Лебедев согласился.

Ирина Николаевна вошла без вуали. За день её сценическая собранность стала жёстче: губы почти не улыбались, руки она держала спокойно, но слишком неподвижно.

— Снова допрос?

— Уточнение, — сказал Лебедев. — Если понадобится полноценный дополнительный протокол, оформим.

— Какая экономия бумаги.

Николай положил перед ней фотографию найденного футляра, не сам предмет.

— Это ваше?

Зарецкая посмотрела на снимок ровно столько, сколько требовалось, чтобы увидеть рамку и пластину.

— Нет.

— Вашего помощника?

— Спросите его.

— Вы раньше видели такую вещь?

— В театральных и фотографических мастерских я видела сотни стеклянных пластин.

— Эта лежала в служебном шкафу дома, которым пользовались при подготовке вашего номера.

— Значит, спросите дом.

— Уже спросили.

Зарецкая слегка наклонила голову.

— И дом, разумеется, всё отрицает.

— Андрей Савельевич не узнаёт футляр.

— Управляющие редко узнают то, что портит порядок их мира.

Николай не позволил ей увести разговор.

— Во время вашего сеанса использовалась отражающая поверхность?

— В любом доме со стеклом используются отражающие поверхности.

— Направленный свет?

— В любом салонном опыте используется свет.

— Скрытая аппаратура?

— Я уже отвечала утром: устройства, способного создать в галерее человеческую фигуру, у меня не было.

— Тогда как вы объясните то, что положение фигуры в показаниях меняется вместе с местом зрителя?

На мгновение она действительно заинтересовалась.

— У вас есть рисунки?

— Есть.

— Покажете?

— Нет.

Зарецкая едва заметно улыбнулась.

— Тогда вы хотите, чтобы я объяснила эксперимент, не показывая данные.

— Я хочу знать, ваш ли это эксперимент.

— Нет.

Слово прозвучало чётко.

— Сергей Сергеевич оплачивал вам дополнительные услуги помимо официального гонорара Фонда?

— Нет.

— Лично?

— Нет.

— Через посредника?

— Я не обязана помнить бухгалтерию каждого вечера.

— Утром вы говорили то же самое.

— Потому что за несколько часов моя память о бухгалтерии не улучшилась.

Лебедев вмешался:

— Ирина Николаевна, если выяснится, что найденный элемент использовался в вашей постановке, сегодняшнее отрицание будет записано рядом с ним.

— Записывайте.

— Если выяснится, что за часть работы платил человек, которого вы сейчас называете непричастным к расчётам, это тоже будет записано.

— Записывайте.

Впервые за всё время она сказала это без игры.

Николай увидел не страх перед убийством. Скорее раздражение человека, который понимает, что ещё один слой его профессиональной тайны уже почти снят. Но различие было слишком тонким, чтобы превращать его в вывод.

— Александр Сергеевич собирался утром передать сыску материалы о вашем прежнем деле? — спросил он.

Зарецкая застыла.

Лебедев повернул голову к Николаю: этот вопрос они ещё не обсуждали между собой.

— Каком деле? — спросила Зарецкая.

— О постановке в другом доме. Частные письма умершего человека. Деньги, перечисленные после сеанса в несуществующий исследовательский кружок.

Она смотрела на Николая долго, но не возмутилась.

— Кто вам это сказал?

— Я задаю вопрос.

— Тогда ответ: мне неизвестно, что именно собирался куда-то передавать Александр Сергеевич.

— Он знал об истории?

— Возможно.

— Вы знали, что он знает?

— В Петербурге люди моего рода деятельности всегда знают, что о них говорят.

— Сергей Сергеевич предупреждал вас?

Зарецкая впервые отвела взгляд — не к двери, а к фотографии футляра.

— Нет.

Николай записал ответ и закрыл книжку.

— Пока достаточно.

Она поднялась.

У двери остановилась и посмотрела на Лебедева.

— Семён Петрович, если вы действительно нашли устройство, которое объясняет вчерашнюю фигуру, не спешите радоваться.

— Почему?

— Потому что объяснить зрителей обычно легче, чем дом.

Николай почувствовал раздражение раньше, чем интерес. Зарецкая снова пыталась оставить за собой последнее слово и одновременно подsunуть следствию ещё одну красивую загадку.

— Ирина Николаевна, — сказал он, — если дом захочет дать показания, мы вызовем его отдельно.

Она усмехнулась и вышла.

Несколько секунд Лебедев молчал.

— «Другой дом, письма, деньги». Откуда?

Николай повернулся к Тарасову.

Тот уже держал раскрытую папку.

— Из бумаг Александра. Точнее, из черновой записки его поверенному. Я нашёл её, когда сверял расходы Фонда с бумагами, которые должны были уйти утром. Не стал перебивать опросы.

— Показывайте.

Лист был написан рукой секретаря, но внизу стояли две короткие правки Александра. Текст не выглядел как обвинительное заключение. Это была служебная помета: вместе с пакетом по старому заводскому делу утром передать в Управление уголовного сыска материалы, полученные двадцать второго января от одного из попечителей Фонда, «касательно злоупотребления доверием при частном спиритическом представлении, связанного с И. Н. Зарецкой и последующим сбором денежных средств».

Ниже стояла фамилия юриста и помета: «проверить приложения — переписка, квитанции, показания родственников».

Лебедев перечитал дважды.

— Это даёт мотив опасаться Александра, — сказал он. — Не даёт доступа к креслу.

— И не доказывает, что она знала о записке, — добавил Николай.

— Но вопрос Сергею теперь зададим иначе.

Князь Сергей Сергеевич пришёл через несколько минут. Его вежливость стала холоднее, чем утром. Он сел, не снимая перчаток, хотя в комнате было тепло.

Николай положил перед ним не фотографию оптической пластины, а копию расходной ведомости.

— Вчера вы сказали, что не казначей Фонда и не знаете деталей оплаты Зарецкой.

— Верно.

— Но подготовку вечера вы обсуждали.

— Как член семьи и правления Фонда.

— Техническое оформление?

— В общих чертах.

— Частные платежи?

Сергей едва заметно поднял брови.

— Что вы называете частными?

— Те, которые не прошли обычной строкой кассы Фонда.

— Если вы нашли нарушение в бухгалтерии, спросите казначея.

— Петра Алексеевича мы уже спрашиваем.

— Тогда к чему я?

Николай не ответил сразу. Тарасов положил рядом копию одной из ведомостей: «сценическое оформление и свет», сумма, фамилия подрядчика, отдельная помета о расчёте через посредника.

— Вы поручали кому-нибудь оплатить дополнительную работу Зарецкой?

— Нет.

— Лично передавали деньги?

— Нет.

— Просили добиться появления именно Варвары?

Сергей впервые изменился заметно. Не побледнел, не вздрогнул — просто перестал смотреть на ведомость и перевёл взгляд на Николая.

— Это сказала Зарецкая?

— Я спросил вас.

— Тогда отвечу: нет.

— В служебном шкафу найден оптический элемент, который мог использоваться во время сеанса.

— «Мог» — хорошее слово.

— Положение фигуры в показаниях меняется в зависимости от места зрителя.

— Люди видят по-разному.

— Голос при этом слышат даже те, кто фигуры не видел.

Сергей положил перчатки на стол.

— Николай Арсеньевич, если вы хотите сказать, что вчерашняя Дама была сценической уловкой, скажите. Меня это не удивит. Я и до вчерашнего вечера не верил в привидения.

— Но пригласили медиума.

— Благотворительные вечера состоят не только из того, во что верит хозяин.

— Александр Сергеевич узнал о приглашении Зарецкой уже при гостях?

На этот раз пауза была длиннее.

— Возможно.

— Вы не предупреждали его раньше?

— Не считал нужным.

— Почему?

— Потому что он в последние недели превращал любую деталь в повод для новой ссоры. Я хотел, чтобы вечер прошёл спокойно.

— Сеанс с образом погибшей сестры должен был этому помочь?

Сергей сжал губы.

— Ирина Николаевна уверяла, что номер будет тактичным.

— Вы обсуждали с ней Варвару заранее?

— Как тому вечера.

— Двадцать второго января?

Сергей посмотрел на него внимательно.

— Даты я не помню.

— А то, что у Александра были материалы о прежней мошеннической постановке Зарецкой, помните?

Теперь молчание стало почти ответом.

Лебедев спокойно сказал:

— Сергей Сергеевич, это не вопрос о ваших чувствах к госпоже Зарецкой. Нас интересует, сообщали ли вы ей, что ваш брат намерен передать материалы полиции.

— Я мог сказать, что Александр недоволен её репутацией.

— «Мог»?

— Я не помню точной формулировки.

Николай почувствовал знакомое раздражение: Сергей снова не лгал там, где можно было сузить вопрос до безопасной формы.

— Хорошо. Тогда пока записываем так: вы обсуждали с Зарецкой тему вечера и могли предупредить её о недовольстве Александра, но отрицаете частную оплату и просьбу ор-

ганизовать появление именно Варвары.

— Записывайте.

— И ещё. Вы видели найденную пластину раньше?

Николай показал фотографию футляра.

Сергей посмотрел и ответил сразу:

— Нет.

— К служебному шкафу подходили?

— За последние годы — десятки раз. Вчера — не помню.

— До приезда Зарецкой осматривали место будущего сеанса?

— Да. Я говорил утром: был в галерее перед приёмом.

— Один?

— Несколько минут.

— Шкаф открывали?

— Не помню.

— К лечебному креслу подходили?

Лицо Сергея стало холоднее.

— Нет.

Николай отметил ответ. Его нельзя было смешивать с сеансом, как бы удобно ни складывались подозрения.

После ухода князя Тарасов выдохнул.

— У него каждое «не помню» дороже моего месячного жалованья.

— Не начинайте оценивать ответы по цене костюма, — сказал Лебедев.

— Я по интонации.

— Тем более.

Николай собрал планы свидетелей.

— Нам нужен ещё один проход по гостиной. Без людей.
И Мельниковские точки.

Они вернулись в зал. Тарасов поставил карточки на места свидетелей, а техник по просьбе Николая принёс фотографию найденной пластины. Сам предмет уже упаковали и унесли.

Николай несколько раз прошёл от центральных кресел к боковой стене. На этот раз он не пытался представить женщину. Он смотрел на линии: откуда видно одну и ту же старую панель, где отражение могло наложиться на реальную глубину галереи, где портьера отсекала часть обзора.

Мельниковские точки съёмки оказались особенно полезны. На двух пластинах постановочная фигура относительно рам действительно сдвигалась так, как ожидалось при изменении позиции фотографа. Для обычного человека внутри галереи сдвиг был бы иным: он оставался бы привязан к полу и растениям.

— Пока только геометрия, — сказал Николай.

Тарасов стоял на месте пожилого попечителя.

— Отсюда её почти не собрать. Видна половина старой рамы и кусок растений.

— А голос?

— Если бы я не знал, куда смотреть, решил бы, что он прямо в комнате.

Николай повернулся.

— Вы слышите что-нибудь сейчас?

Тарасов сначала не понял, затем прислушался. Из служебной части донёлся мужской голос, приглушённый стеной.

— Слуги.

— Вот. Помещение само разносит звук. Значит, слова свидетелей «голос шёл от фигуры» без проверки ничего не стоят.

Лебедев стоял у дверей библиотеки.

— До полного технического осмотра формулируем осторожно: показания согласуются с ограниченной зоной визуального эффекта и более широкой зоной слышимости.

— Согласен.

Николай помолчал и добавил:

— И постановочная фигура фиксируется на фотопластине.

— Это тоже факт.

— А кадр после неё — отдельно.

Лебедев посмотрел на него.

— Вы возвращаетесь к двоению?

— Я не знаю, к чему возвращаюсь. Поэтому и оставляю отдельно.

— Так и сделаем.

В двадцать минут девятого дом снова напомнил о времени. На лестнице загорелись вечерние лампы, слуги закрыли внутренние ставни в боковых комнатах, из столовой донёлся

звон посуды. Николай поймал себя на том, что уже давно не замечает усталости не потому, что она прошла, а потому, что стала постоянной. Плечи тянуло, во рту пересохло, но мысли оставались чистыми: именно сейчас коллективная история о единой Даме распадалась на измеримые куски.

Он вернулся в кабинет секретаря.

Тарасов сидел на краю стола, окружённый счетами, и переписывал номера документов в маленькую служебную книжку.

— Что есть?

— Больше, чем час назад, меньше, чем хочется.

— Хороший полицейский ответ.

— Учусь.

Тарасов подвинул две бумаги.

Первая была простой расчётной распиской: некий посредник подтверждал получение суммы «за дополнительное техническое обеспечение частного номера». Имя Зарецкой в строке назначения не стояло, но фамилия посредника совпадала с человеком, которого раньше использовало её агентство. Вторая бумага была копией платёжного документа с номером частного счёта, без указания владельца на этой странице.

— Откуда?

— В пакете подрядчика. Их бухгалтер оставил копии секретарю Фонда, потому что хотел закрыть расчёты сразу после вечера. Основной договор обычный, а вот это подшито

отдельно.

— Почему?

— Видимо, чтобы не проводить через общую смету. Или потому что посредник не входил в официальный договор.

Лебедев взял бумагу.

— Владелец счёта?

— Сегодня не узнаем. Банк закрыт, официальный запрос уйдёт завтра через канцелярию, ответ раньше понедельника я бы не ждал. Но человека из расписки можно искать сейчас.

— Ищите, — сказал Николай. — Без разговоров о том, кого мы подозреваем.

— Я умею.

— Все умеют, пока не хотят получить ответ быстрее.

Тарасов поднял руки.

— Только адрес, место работы, кто передал бумагу.

— Именно.

Николай снова посмотрел на служебную записку Александра о материалах Зарецкой.

К вечеру у следствия появился по Зарецкой настоящий мотив: не абстрактная боязнь дурной славы, а конкретная угроза, что на следующий день Александр передаст полиции бумаги о прежнем мошенничестве. Рядом появилась и другая линия — скрытая оплата вчерашней постановки. Но ни одна из них не отвечала на вопрос о кассете.

И это было важно сохранить.

Он открыл записную книжку на новом развороте.

Слева написал:

«Положение видимой фигуры меняется с точкой наблюдения; найден съёмный оптический элемент».

Ниже:

«Кадр около 22:42: человеческой фигуры нет; на старой серебряной панели — слабое локальное двоение. Причина не установлена».

Справа:

«Постановочный оптический эффект — вероятно. Голос проверять отдельно».

Последнюю строку он оставил пустой.

Лебедев прочитал через его плечо.

— Зарецкую не добавите?

— Пока она связана с сеансом, мотивом и ложью. С кассетой — нет.

— Сергея?

— По нему есть мотив, участие в подготовке вечера и его собственные слова, что до приёма он бывал в галерее один. Оплату ещё проверяем. С кассетой связи пока нет.

— Так точнее, — сказал Лебедев.

Тарасов вернулся из коридора с телефонной запиской.

— Сторож подрядчика нашёл управляющего. Посредник из расписки существует. Завтра утром будет в городе, адрес дали.

— Быстро, — сказал Николай.

— Он живёт на Петроградской стороне и любит деньги.

Такие люди обычно находятся легче идеалистов.

— Михаил Ильич.

— Молчу.

Но улыбка осталась.

Николай взял записку.

На ней были фамилия посредника, адрес и номер расчётной бумаги. Ниже Тарасов приписал номер частного платёжного документа, с которого пришла сумма.

Лебедев посмотрел на часы.

— Без пяти девять. На сегодня достаточно.

— Для свидетелей — да.

— Для вас тоже.

Николай хотел сказать, что у них ещё есть фотографии, но понял, что уже третий раз перечитывает одну и ту же строку в записке Тарасова.

Он закрыл книжку.

Из-за стены донёсся приглушённый бой часов. В гостиной гасили лишние лампы; после дня опросов дом возвращался к тишине. На столе оставались планы свидетелей, фотографии и расчётные бумаги — вещи, которые можно было сравнивать, измерять и проверять.

Большую часть Дамы можно было начинать измерять.

Но разобранный на свет, стекло и деньги сеанс ещё не объяснял смерти. От этой ясности легче не становилось: самое опасное было принять соседство двух тайн за доказательство того, что у них один источник.

Николай остановился у двери и ещё раз посмотрел на фотографию старой панели. Слабый двойной контур был почти смешон рядом с белой фигурой на предыдущих кадрах — техническая соринка, не более.

И всё же он не выбросил снимок в сторону объяснённого. Тарасов протянул ему копию расчётной расписки.

— Это заберёте?

— В дело.

— А номер частного платежа?

Николай посмотрел на цифры.

— Отдельно. Завтра проверим, кому он принадлежит.

Тарасов убрал оригинал в папку.

На обложке уже стояла новая помета: «Расходы вечера. Частный расчёт».

И впервые за весь день у следствия появилась финансовая линия, которую можно было довести до конкретного человека, не спрашивая у стекла ничего.

Пояснения к главе Полупосеребрённая пластина — стеклянная пластина с частично отражающим покрытием; при определённом освещении может одновременно пропускать и отражать свет и использоваться в сценических оптических эффектах.

Расчётная расписка — письменное подтверждение получения денег или окончательного расчёта по конкретной услуге; служит бухгалтерским и доказательственным документом.

Параллакс — видимое смещение положения предмета относительно фона при изменении точки наблюдения; здесь помогает сравнить показания свидетелей, сидевших в разных местах.

Интерлюдия I

Босиком

Ночь с 23 на 24 января 2008 года

Одиннадцать фамилий занимали меньше половины листа.

Варвара перечитала их ещё раз, не позволяя глазам перескочить через строку только потому, что порядок давно выучился наизусть. Возле двух фамилий стоял возраст детей, возле одной — карандашная помета о больной матери. Для следователя это было лишним. Для неё — нет.

В официальной справке товарищества говорилось о разрушении узла высокого давления, непредсказуемом дефекте и ошибке персонала. На столе перед Варварой лежали копии бумаг, из-за которых слово «непредсказуемый» становилось особенно удобным.

Она сложила производственные документы в плотный конверт. Утром пакет должен был выйти из дома независимо от того, чем закончится сегодняшний разговор.

Рядом лежал другой конверт — маленький, кремовый.

Варвара придвинула чистый лист и начала писать. Несколько раз перо останавливалось, но не потому, что не хватало слов. Наоборот, слов было слишком много, а письмо требовало только тех, от которых уже нельзя будет отступить наутро.

На среднем пальце снова осталось чернильное пятно. Варвара раздражённо стёрла его краем промокательной бумаги:

когда сердилась, она неизменно прижимала перо сильнее и пачкала руку, как гимназистка. Эта привычка злила её именно потому, что за столько лет так и не исчезла.

Закончив, она не стала перечитывать. Сложила лист, запечатала конверт, перевернула надписью вниз и убрала в верхний ящик письменного стола.

Не в пакет.

Отдельно.

Она накинула тёмный жакет и взяла большой конверт с копиями.

Дом ещё не спал. На первом этаже закрыли дверь, по дальней лестнице прошёл слуга, затем донёлся голос Сергея.

Значит, оба уже здесь.

Варвара собиралась пройти через стеклянную галерею к библиотеке, когда каблук правой туфли скользнул на стыке паркета и камня. Раздался сухой хруст. Она успела ухватиться за косяк.

— Прекрасно.

Каблук держался криво. Варвара сняла туфлю, сунула под ближайшую скамью, а через несколько шагов вернулась и оставила рядом вторую. Каменный пол галереи оказался холоднее, чем ожидалось, но за обувью она больше не вернулась.

После ноябрьской аварии Варвара слишком часто слышала, что бумага исчезает не сама по себе. Её теряют, переподшивают, отправляют на уточнение. Иногда законно. Иногда

так, что потом никто не помнит, где искать нужный лист.

Оставлять единственный комплект в письменном столе было глупо.

Галерею ремонтировали вторую неделю. У дальней стены стояли защитные полотнища и стремянка. Проход к технической площадке был перехвачен переносной цепью; часть ограждения наверху временно сняли для работ с приводом фрамуг.

Варвара переступила через цепь и подошла к старой серебряной раме. Ей нужна была служебная полость за декоративной планкой.

Она поставила конверт на деревянный бортик и уже протянула руку к раме, когда заметила движение в стекле.

Собственное.

Варвара остановилась.

Отражение остановилось тоже.

Она повернула голову вправо. Женщина в тёмном жакете повторила движение.

Варвара подняла руку — отражение подняло руку.

Она почти рассмеялась над собой и шагнула назад.

Смех не вышел.

Варвара уже стояла неподвижно.

А женщина в старом стекле ещё заканчивала шаг.

Не больше мгновения: босая ступня, край платья, рука у рамы — и движение завершилось позже.

Варвара медленно выдохнула.

— Нет.

Она шагнула вперёд и обратно, подняла обе руки, повернулась через плечо. Теперь стекло двигалось вместе с ней.

Из сумочки Варвара достала серебряное зеркальце матери — круглое, тяжёлое, с потемневшей ручкой. Раскрыла его так, чтобы одновременно видеть лицо в маленьком зеркале и фигуру в старой панели.

Она коснулась щеки. Оба отражения повторили движение.

Опустила руку.

В зеркальце пальцы остановились вместе с ней.

В большом стекле кисть словно ещё чуть-чуть довершила движение.

Сердце ударило сильнее.

Варвара повторила жест.

Ничего.

Ещё раз.

Ничего.

Она прикрыла один глаз, затем другой. Задержка не повторилась.

— Очень смешно, — сказала она тихо.

Страх сменился раздражением. Если дело в усталости — это можно проверить. Если в старом стекле — тоже.

На деревянном бортике Варвара записала несколько строк: что увидела, у какой панели и чем проверяла зрение. Никакого объяснения — его не было. Лист сложила вчетве-

ро.

Зеркальце почему-то не хотелось убирать обратно в сумочку.

Она рассердилась на себя и положила его рядом с бумагами.

Главное было не стекло.

Главное лежало в конверте.

За декоративной планкой оставалось узкое служебное пространство рамы. Плотный пакет проходил только боком, поэтому Варвара разделила копии и стала укладывать их внутрь.

Со стороны библиотеки слышались шаги.

Не один человек.

Один голос принадлежал Сергею.

Варвара посмотрела на открытую планку. Основной пакет уже лежал в доступной полости. Если знать место, достать его можно было быстро.

Слишком быстро.

В самом низу за серебряной подложкой темнела узкая щель.

Шаги приближались.

Она сунула туда сложенный лист.

Потом зеркальце.

Серебряный обод зацепился за край. Варвара нажала сильнее; зеркальце скользнуло вниз. Пальцами его уже было не достать.

Она закрыла декоративную планку и выпрямилась.

— Варя?

Александр появился в дверях первым. За ним шёл Сергей.

Варвара машинально поставила одну босую ступню на другую.

Сергей заметил это сразу.

— Почему ты без обуви?

— Одна туфля сломалась, а вторая не захотела оставаться без неё.

— Сейчас не время.

— Согласна.

Александр смотрел не на её ноги.

— Где бумаги?

— Какие именно?

— Не надо.

В голосе брата не было ни злости, ни обычной снисходительности. От этого становилось хуже.

— Сергей сказал, ты собирала копии внутренних документов.

— Сергей много чего говорит.

— Варвара.

— Да, собирала.

Сергей остановился по другую сторону цепи.

— Ты понимаешь, что это не благотворительные отчёты?

— Наконец-то мы с тобой в чём-то согласны.

— В этих бумагах закрытая производственная переписка.

— И предупреждение о регуляторах.

Александр прикрыл глаза — всего на мгновение.

Этого хватило.

— Вы знали.

— Не начинай, — сказал Сергей.

— Вы знали до аварии.

— Мы знали, что часть оборудования требует замены.

— Одиннадцать человек погибли.

— Мы помним.

— Нет. Вы помните число.

Сергей шагнул вперёд.

— Не смей.

— Сегодня я три часа сидела с женщиной, у которой муж утром ушёл на смену, а вечером его принесли в закрытом ящике. Она называла его по имени.

— Думаешь, я не знаю их имён?

— Назови.

— Пётр Карпов. Алексей Зотов. Иван Кожин. Семён Рогов.

На

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.